

Н. ТИХОНОВ

СИМОН-БОЛЬШЕВИК

НА ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК
ПЕРЕВЕЛ В. УВОЧАН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
О. А. КОНСТАНТИНОВОЙ
РИСУНКИ С. ВЕРХОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

Я $\frac{261}{500}$

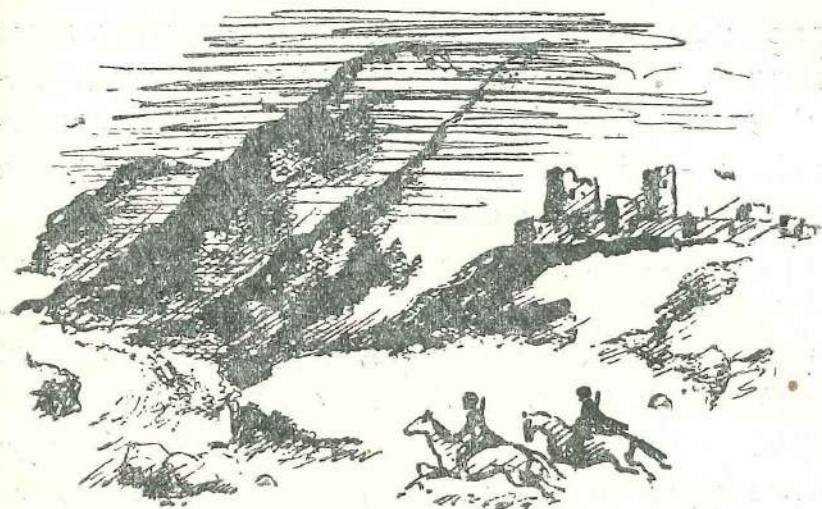
Н. ТИХОНОВ

СИМОН-БОЛЬШЕВИК

РУССКАЙДУК ЭВЭДЫТ ДУКУЧАН
В. УВОЧАН

ИЧ ЭТГЭН
О. А. КОНСТАНТИНОВА
С. ВЕРХОВСКИЙ ОНЁВУРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ

СИМОН-БОЛЬШЕВИК

Би илэлдук авадытыкирва бичэлвэ истор-
риялва, хэгдылвэ оналва (делолво) долдычав.
Авады тар сонинг бисивэн—би эчэв сарэ.
Эсикэткэн би адыканэ улгучэнделим.

Би осетин бисим. Таргачин дуннэнгивуи
муннги Осетия: тыргания нгэнэдеденгэс — урэ
илитчаран, гея тыргания нгэнэдеденгэс, на-
даллая нгэнэдеденгэс — мурэли деломо урэ
илитчаран. Хадун нунгандун моса балдывки,
хадун дюкэ хуклэдевки, хадун иманна хуклэ-
девки, му мудана ачинди унгулбудевки, хэг-
дыл, хуюкукэр бирал, авадытыкир бирал ярги-

дьявил, яргидьявил вевалгэчир — дьлган эвки долдывра. Ирэмэсинми — урэвэ дававка, лавкала суруми — урэвэ дававка, бунивэ ирусинми — урэвэ дававка, пляшинасинми — урэвэ дававка. Ургэпчу Осетияду бими.

Крестьянин нэктэгэрин хэгдымэмэ бичэн — буркави нодарэн, эчэ ичэвуллэ: буркан дастан. Нэктэгэрин нянгня хэргидэклэн бидерэн. Тэде, мурэли дёгочин. Делома сакля ингинипчу — дулиндун гулувун нгалэлви нямалгидави, девдэви хуювдэви, столик, илан халгачи тэгэмкин, — таргачин азияды роскошь бисин, илэ-дэ эденгэ, овра, мачалэл бикитвэтын урэрэн.

Кэ, тэде, би горец бисим. Бичэв илмактамама илэ, татыганэ ачин. Кэтэмэмэвэ дядадечав, он эр инилми. Революция эмэрэн, гражданской война эмэрэн, — би винтовкави, мурынми гадячав, партияду дукувдави сурум. Тэли мунду коммунисты партия ачин бичэн, партия бичэн, гэрбичивунгкин „кермен“. Осетия тэгэддулин илитчачан. Мунду кусидедэви ургэпчу бичэн. Соглашателил, шовинистыл, белогвардейцыл урэтыкинду тэгэтчэчэтын, степту тэгэтчэчэтын. Владикавказэ генерал Шкуро гачан. Осетият нунгнимнит Бета Хабаевва унгчэн. Эру эмугдэчи бичэн тар Бета Хабаев. Бикичилвэ илатчангкин, орокот свиньялгэчирвэ мурэли нэксэ, илатчангкин, дукувурва, булэсэлвэ савкандерилвэ, долчатчангкин, урун-

чэденгкин. Бу, керменистыл, тэли илтанэлтыки сурттэв, иргичилгэчир мурэлэ гиркуликсал, багдамалва хивинмуканденэл. Тугэрэн, хэгдымэмэ иманна бурурэн, хоктолко дастан, саклила (дюлва) дастан, мосалва дастан, эрумэмэ, нгинунмэл эденгэ дукуматывра, нёливсипчу гиркуми. Турэнэ гунденгэс — дюкэл урэлдук бурудевил, иманнали эденгэ нгэнэврэ, мурир илдяра, кусимувдерэн. Бета Хабаев нгалэлдиви таптакадерэн, коньяквэ (аракива) умдяран, урунгэдерэн: большевикил урэлду буделлэ, нёнгнёнилэ он-да этэрэ инэ.

Би гиркинунми даккитту илитчам — савура алатчэм. Долболтонони, урэлдук нгодяран, амакан тамнакса ачин одялан, иманна угриривденгэн. Бира эрдэлэ эчэ донготоро, сениклав ягинадыран, чайниккачинду. Му човинадынга дёлолдули дюлэски-амаски гиркудыран. Эчэ тыливгэн бирэ, эва гэлэдерэн, бикитту бунтудыран эя-вал энэ омура.

Баргидадук илэвэ би алатчэм, дёлово муду бидеривэ ичэтчэм. Би гайкадым авады тар муду энгэси — хэгдывэ дёлово хукусинивки, хунгутуки конгковки, молва дёлолнун нодувки, нунгартын олдосолвотын касивки, хекса нингудерэн. Миннгиду эмугдэдув сомама хачэн оран. Би эденгэ ненгнёнилэ бирэ бисим, тарит таргачир дялилви эмэрэ, буми Бета Хабаевва уруннгиденгэв.

Ичэм — нэлгэ эендерэн, эчэ эемудерэ, туги нгунгнэмэмэт нгэнэви дявучадяран, угиски дю оёгочиндулан туктывки, ичэчиксэ, дёлол сигдылэлдулитын хурилки, тадук нян эесинивки, бира нунганман дылдукин хэргиски ирудяран, халгардукин танчэдерэн, албадяран тандеми. Нэлгэ индерэн, нгэнэви часки дявучадяран.

Би дялдачэм: „Кэ, Симон, — минэ Симонди гэрбичивкил, — си, нэлгэгэчин савка тысактадави бикэл, хэгды мегачи (сэлэмэчи) бикэл сунгтат эридэви, нгалэлдукви винтовкави экэл тынэ! Эда си дюлави суруденгэс, амакагэчин-нгу маналви укудэдэви, эду нгорчанма тэрэвкэ!“ Туги би дялдарэкив, умнэт минду нямапчу оран. Тыкин элэ дялдачэдем: эда гиркилви баргидадук ачир? Ичэм, — хексаду конгнорголлон, баргидаду нюнгун илэл мутки эвдерэ.

Эврэ, мутки ичэтчэрэ. Би тылим оловкитвэ-гу эрут сарэ, мурирдудар-гу эчэл тэдедерэ. Мурир дэрурэ, му дюкэчи, мурир мутки нгэнэдэвэр нгэлэтчэрэ. Би ичэтчэнгнэм: авадыл эр ирэмэдел? Дялдачэдем: дагдяктын саритвар. Нунгардугтын этэм дылганми долдывканэ. Булэсэд бисиктын — эчэ эдэпчу бирэ, эектын, гиркил бими — дылгана долдывканиктын, самэлкия савканиктын.

Мурир муду турэ, му нунгардитын эвиллэн. Тэдэт мулэ турэ, элэ эчэл упкат умнэт турэ.

Халтын аят нгэнэдерэ, дюр эмэнмусчэл, умукэнду эру, эе нунганман эчэ тартыки эенмудерэ, дёлолтыки нгэнэвдерэн, мурир буделлэн, мурир албадяран давдыдями. Хувгин мурирдук хувгиндерэн, угучадярил дылганавар эвкил долдывканэ. Би винтовкави гам, элэкэсиптывэ чоконим — минду ичэвуллэн, нунган мирэлдун погонил биси, нунган авады-вал нямапчу сучи. Гиркив, винтовкави гадяна, гунэн:

— Симон, эр энэн-нгу Дебола биси, тар муда гу, нунгангин муририн кэсэдерэн!

Би ичэчилим, ичэчилим — Деболава тагим.

— Митнгил, — гундем. — Нунгартыкитын екэ-кэл! Уасил, эр мит, ёкэкэл!

— Дебола, эр си? — нунган нунгартыкитын ёкэллэн.

Би-дэ ёкэлим:

— Дебола, эр си?

Нунган мурирми албадяран нунгнидеми, дяпкатки дагамача, мурирма му лавададяран Екэнтыкивун нунган элтэнэн, ёкэллэн:

— Эр, си, Симон! Эр си, Уасил?

Бу дёлол чагидадуктын юрэв, мурирдудар уграв, ёкэллэв:

— Эр бу, Дебола, эр би, Симон, эр би, Уасил!

Угучадярил дёлолдули бирадук юрэ, Дебола мурирнунми эсикэткэн кумтэвделлэн. Умукэн минута эмэнмучэ нунган дявучавдан.

Бу бирала муритаил микчанэв. Би тадук умукэн авады-вал илмакта илэ. Нунган мудар юмэктэ бичэн, тадук нян бирала нгавунан. Бира сердун умнэт мигдысинденгэн—эт-та эденгэ эриврэ, бу мурина дюржит олдоргит усидукин туксанчэрэв, нунган бурумудерэн, эсикэткэн буруделлэн. Мэннгилвэр мурирвар сигдылэлитын камнирав, дяпкатки нунганман упкачитвар энгэситвэр ирусинав, Дебола багдаргача, дылитви донгкилбудяран, элэ гундевки:

— Ма-хадзар, ма-хадзар, — эр бисин: эксэри миннги, эксэри миннги, — эсикэткэн буделим.

Бу урикуттулэ урэтки хулитнасинав, того дагадун тэгэрэв. Би ичэчилим, нги, авады, миннун бирала микчасудячан, эчэн нгэлэттэ, илмакта таргачин илэ, гургактая ачин, энгэси таргачин, есалин дегдэдерэ, инектэдерэн, гундерэн:

— Эчэс сарэ, Симон? Би—Цаголов бисим, гэрбиткэл минэ Георгий.

— Ая, — гуним, девкэл — умкал, Георгий, си аят кэнни бирала микчанми, гукэл минду, си нги бисинни?

— Би — керменист, — гундерэн, — свобода дярин нгорчадам, революционер бисим, — гундерэн, — би селоду Христианскайду балдычан.

Эду Дебола дагамаран, инмэн айналин кэ-

тэвэ хэгдымэмэлвэ, аямэмэлвэ турэрвэ гуллэн, нгалэлвэн дяваран. Георгийду минэ ичэвкэтчэрэн.

— Эр Симон дигорец, митнги илэ.

— Кэ, — Георгий гундерэн — большевикил акунасал, дэрумкичэгэт, тадук онали галдылгат.

Би тариптыдук тырганидук Цаголовтыки ичэчиксэлчэв. Самудям, экун таргачин: би илмакта, нунган илмакта, бу нунганнунин хунгтумэлчэл бисивун. Нунгандун авады-вал того бисин, минду таргачин ачин. Эр тэде, — нунган ученай, би тэли дукунду эру бичэв. Нунганнгилин есалин албиндымарит ичэтчэчэтын, би чекчаннгэчин хоримдяна, этэлуденгкив. Би дялдачэдем нунгандун бирала микчандан миндук ургэпчутмэр биркэ. Нунгандун урэдыл татыгарилин ачир бичэтын. Нунган горотты илэ бичэн. Урэлду эчэн мэннги биси. Нунган дялалэннгэчин гулингкин, би тэли албангкив дялдачэдеми, элэ муринами иктуденэ хуктивдечэв, энэ этэлудерэ. Умнэ багдамалду засадава одячавун. Мундулэ этыркэн эмэрэн, ичэчиксэ умнэт Цаголовдула сурурэн, нунган начальник бисивэн навканэн, нунгантыкин гуллэн:

— Кусилденгэс, багдамалнун кусилденгэс?

— Ээ, — Цаголов гунэн, — си-кэ?

Этыркэн сагды, иннигактачи, мирэлдун нямади аннганил, силгиндерэн:

— Би-дэ кусилденгэв, минду пэктырэвунэ букэл, пэктырүлденгэв.

— Аденаскэл, — Цаголов гунэн. — Амака, долчаткал, аденадекэл. Илэ синду кусидедэс.

Амака нунгантыкин дагамаран, нгалэлдукин гаран, мэнэкэн тогогочин силгиндерэн.

— Эчэв амудэрэ, эчэв сурумудерэ асиндави. Минэ Такаев асиннавкатчэчан, би тэли-дэ кусидечэв, Такоев минду пэктырэвунэ эчэн бурэ, би тэли кусидечэв.

— Он-ка си кусидечэс?

— Би хекса оёлон туктыдэчэв, хексадук нунгардулатын, дылилдутын дёлолво нодудячав. Туги би кусидечэв.

Тэли Цаголов амакава нгалэдукин гаран:

— Амака, аденаскэл! Бу синнгивэ сагдын-мас давдыдянгавун, нямаду мэкчэрэлденгэс, мэкчэрэдэлви багдамая чупая депилденгэс.

Амака дылви донгкилбуллан, гуллэн:

— Баденни пэктырэвунмэ будеми? Эчэв чупава гэлэдерэ, эчэв багдамава чупава гэлэдерэ, нунгардулатын дёлоло надуддянгав. Би — большевик, си минэ унгитчэнни. Эр амардукин эчэс си мунги биси, си эр амардукин авады мунги бисинни!

Цаголов инектэллэн, кувлэксэ нунганман, нюканан. Би эрэ-вэ улгучэчэв, сарэкис, тэли большевикил дяритын авадытыкира улгусэлэ эман унгденгкитын. Мундулэ хунгту этыркэн

аран-аран эмэрэн, эдэви бурурэ тьевундиви тыендерэн хангукталлан:

— Иду эду Симон-большивик бидерэн? Минду Симонмо — большевиква ичэвкэкэл.

— Эр би бисим, — гуним, — амака. Мунги партиялавун эчэс-ку гэлэдерэ дукувдави? Ум-нэт илмакта саянгас.

Нунган миндук элтэнэн, нгалэлдиви, тьевундиви арпулилан, минтыки ичэчиллэн, гуллэн:

— Авунми луккал, авунми луккал!

Би авунми луким, нунган дылвав бултуран, нюриктэлдув туктыктэрэн, тыкуллан:

— Эда си минэ улэкичтэнни? Синду хал-дяпчу, илмактаду, этыркэнди инедерэкис. Си авады-ка большевик бисинни? — гунэн.

— Тэде, амака, большевик бисим, — гуним, — дылдукви халгардулави упкачив большевик, муринми, пэктырэвунми большевиктыл.

— Иду-кэ синги иелли? — Нунган, этэлу-денэ, хангукталлан.

— Авадыл иелви, амака? Иел мачалэлду, сирулду бингнэрэ, мит синнун илэл бисип.

— Мунду гундечэтын упкат большевикил иечил, илэлвэ эчэл урэрэ, — амака гунэн. — Си илэвэ урэссэнни, иелэ ачин бисинни.

Эргэчир этыркэр бичэтын! Авадытыкир мунду этыркэр бичэтын, илмактал-да хунгту-мэлчэл. Би Цаголовиг кэтэрэ гайкангкив. Бу

бираду, сакляду, тэгэтчэчэвун, бираду таргачин тыкун бичэн — турэрди эденгэ улгучэн-муврэ. Бу албангкивун гундеми, долдыями мэмэгилавэр. Бира мунгилдук дылгардуквун игдыгмэр бичэн. Би Цаголовду гуним:

— Си дяличи бисинни, Георгий, гукэл, эда эргэчин энгэси бираду бувчэ? Таргачин энгэси, Георгий! Ичэткэл, тыгдылэн буруделлэн, упкачин бира хуруделлэн — мурия буруделлэн, бурка суруделлэн, кинжал суруделлэн, аси суруделлэн. Эргэчин овча, элэ хитэклэ эргэчинмэ энгэсивэ долбонива, тырганива унгде-дэвэр: нунганман дюкэмэт он-да этэн дявара, дюкэвэ нунган капувки.

Нунган минэ ичэттэн, гунэн:

— Бира энгэсин, Симон, илэлду хавалдявки.

— Авадылва турэрвэ си гуинни, Георгий? Эрду илэлду нунган хавалдяран. Авадыл чангичил-гу, багдамал-гу нгиэ-вэл вами-бирала но-давкил, нунган, он-ка русскайил гиркил гуинг-нэрэ, — мударва мулэ. Нунгандун удундук, иманнадук хэгды энгэсин оракин — дёлолдук ювки, саклила дялупкивки, мурия-да мачалэлвэ-да вавки, илэлвэ вавки, — эчэс эргэчирвэ турэрвэ гуна си, Георгий.

Нунган минэ ичэттэн, тадук гуна:

— Гами, тадук плотиная иливми, дявами эр мувэ, нунганман эман овчалтыки машинал-тыки унги, — упкатван Осетиява элэктриче-

ствот нгэриливкэнимчэ. Би тардала этэм инэ, Симон, этэм ичэрэ, си миннгилвэ турэрвэв тылкэл, би синэ этэм улэкирэ. Си ичэденгэс, эр бирава, гэлунгэчинмэ муринама, дулумнинг-дяриватын. Нунган муринагачин элэкэсипты хавамни одянган.

Бу упкат симулалав, би нгэлэлим. Авадыл-ка тар илэл эргэчиннун мунун нгорчал-дьянгал, мурина-да, буйвол-да албавкил арбаду нунганман давдыями, сунгтаду — тала, буни тукалангдулангэчин, нги-мэт эвки ичэтмурэ.

Нян Георгий инесинэн.

Си мэнэкэн, Симон, нунганнунин нгорчал-дьянгал. Эрнун этэнни хунгтунун, хавалдьянгал. Си энэ нгалэлови одеро хавалдьянгал.

Би мутки ичэчим, миннги дылив харулилан:

— Би кусиденгэв, — би упкаттукви мегандукви гуни, — багдамалнун мудандула, мунун ичэтчэнгэв.

Упкат минди инектэллэ, элэкэсипты ноночон Георгий.

— Хунгту одянган, — нунган гунэн, — дюктэ Осетиял умунду одянгатын, тар-да, урэ чаги-дадун бидери, тадук — эр-дэ. Христианскайдук Цхинвалила тугэ шоссели туннэл догидалин ирэмэсинденгэс, Симон.

— Эвэт, Георгий, нимнгакарэ улгучэндэрэ, эсикэткэн эчэл тар тырганил биси, — би гуни.

— Тэде, книгэлду кэтэвэ дукудянгатын, умнэт упкатава книгэлвэ умукэнду часту этэнни улгучэнэ.

— Алаткэл тыкундядави, — Георгий гунэн, — сарэкис, урэл чагидадутын бидерилду осетинилду колобонгитын аран тунгая бегал элэкинивки, тадук нунгартын тэгэтчэвкил, тоготки ичэтчэвкил, эя-вал энги ириврэ. Мэрдивэр хоктокордули, иманнали, мурэли, таргачинду тугэниду колобонгилавар эмэвуктэдевкил, авады эр таманин! Илэл удякичилду мэкчэрэвкил, мурир бувкил. Эр эчэл книгал биси, Симон, эр тэде, авады-да илэ гунденгэн — эр тэде. Большевикил нимнгаканди эвкил дептылэтэрэ. Бу осетияду свободава, колобое бумудерэв, эчэвун бумагэе дукувчае свободали, колоболи бумудерэ. Си эчэс бумагэли кусидерэ, мэнми утунгитчэнни, Симон, мэннгиви инми энэ одеро. Тэде, Симон?

Би симулалим, дялдачэдем: этэн эргэчин тыргани эмэрэ, окин-ка би эргэчин энгэсичинун биранун нгорчалдьянгал. Он-ка нгорчами, би эчэв сарэ, — би элэ пэктырунгнэм, мутки пэктыруми — экун-мал этэн ора.

Мундук Цаголов хунгтулэ бикиттулэ суручэн, би нунгандулин энгив этэрэ дялдачэде-дави. Би дёлоконгочин хуюкумэмэ илэ бичэв, мурэли таргачир хэгдымэмэл урэл илитчачатын, — дылача эвки ичэврэ, таду-да тугэни. Би,

санни, хунгтулди турэрди гунми, эчэв бол-
горо. Цаголовдули сомамат урунчэдечэв, нун-
нган илмактамама бинэ дялва эксэктэдерэн.
Би нунгайдулин хачэдечав, нунган сингнипчүт
минтыки гундечэн: си ичэденгэс, си ичэде-
нгэс, би этэм ичэрэ, би этэм инэ“. Эда нунган
туги гундечэн? Би гиркилви хангуктачав,
нунгартын эчэтын сарэ эда нунган туги гун-
денгкин, эя-вал эденгэл гунэ. Туги бу бидечэ-
вун, тырганива, долбонива кусиденэл, ирги-
чилгэчир багдамалва тыгитчэнэл. Иду-кэ
ембу бикичитын, таду умнэт кикисининг-
кивун, садатын ненгненилэ бу этэрэв бурэ,
бу индерэв, иктэлвун упкат бикичилдувэр
бидерэ.

Бу шпионма, кулаквэ дяварав. Би хангук-
талим.

— Кэ, он Бета Хабаев, нямапчу нунгандун,
аят авки, эми-вэл эвки хивиндяра?

Шпион гунэн:

— Аят адерэн. Си нунгандун локовунду
локучавдяна толкичивдяни, нунгандун ня-
мапчу. Эр си силгинденни, тадук ингиндук
буденгэс.

— Си нёгутмарит бүденгэс, — би нунгандун
гуним, — мунду туги-дэ нямапчут инивдерэн,
хэкупчу.

— Инивдерэн, эчэ элэ аят инивдерэ, —
шпион гунэн, — ма-хадзар, — гунэн, — кэтэду

суннгилду эрумэмэ, би синду бидеридукив
эрутмэмэт.

— Нгиду-кэ, гуним аят бивдерэн? Булденэ
гукэл, букэл, энэ нгэлэттэ.

Би энэ нгэлэттэ буденгэв, — нунган гунэн,
суннги Цаголов, тадук хунгтул миннун буде-
нгэтын.

Эрилдук турэрдук, сарэкис, миннун урэгэ-
чинду оран, окин-ка дюкэл, иманнал хигин-
дук буруденэл упкатван нунганман хумналбу-
ливкил, таргачина хангняна, тогое унгив-
кил, — иду-кэ мол бичэтын, экун-да ачин,
иду-кэ делол бичэтын — экун-да ачин.

Шпион гунчэн Цаголовво осетинил-контрре-
волюционерил предайчатын, нунганман пленду
дявучадяра, урэлду горомомоду бикитту, идук-
кэ багдамалдула эденгэ исивра, большевикил-
дула горо.

Би энунилим эргэчинди дялит эсикэткэн
умукэнду гиркидуви гундеритви: „Суругэт: ту-
ги-гу эчэ-гу туги биси — салденгат“. Нунган
минтыки гунэн: „Суругэт“. Бу таргачиндула
бикиттулэ сурурэв, тэде, би тала бингкив, элэ
адыракан, минэ тала эчэтын сарэ. Бу удякит-
тула итыгарав, сурурэв. Санни, миннги дун-
нэнгив Осетия хэгдымэмэ, урэг, ичэми та-
рилва хексалва сонголимчас, гунденэ: эда би
элэ эмэчэв? Синнгилду есалдус инамуктал
юнэл саримикталдус донготомчол — тугэни

бичэн. Бу бэюмэчимнилгэчир бичэвун. Эдэвэр мэдэврэ хэвденденэл нгэнэдечэвун мэнэкер силгиндечэвун, скрипкагэчир празникту, элэ эсит хэвденди, буни тукалангначиндун.

Хексал тала — ибдерилви (дялви) омнгоде-нгос, дюви омнгоденгос, революциява омнго-денгос, — чугунгэчир конгномол, чугунгэчир ургэпчул, буругачир, угиски, дариски нгэнэ-дерэ, халтын утюгачир бултумал, иманна эвки хуклэрэ. Тала илэл эрул, эрутмэрил хунгту бикит илэлдукин.

— Эда, — хангуктавил, — нгэнэдерэв?

Бу гунигкивун: свадьбала нгэнэдерэв.

— Эда-кэ эчэсун аракия нгэнэвдерэ?

— Нги-кэ свадьбала аракия нгэнэвунгнэрэн?

— Ичэткэллу, тар свадьбала эгин пэкты-рэвун эривуллэ.

Бу симуладячавун, нгэнэдечэвун. Хунгтул хангуктавил: бу энэрэв-вэл бэюмэчимнил биси?

— Бэюмэчимнил, — гунигнэрэв.

— Су денчакаллу, экэллу гунигкэвэ ом-нгоро: амакаматнаденни — икэвунэ икэденни, кабанматнаденни — попва эриденни. Сунду поп гэлэвдерэн-нгу.

Бу симулангкивун, часки нгэнэдерэв.

Бу умукэндулэ бикиттулэ эмэрэв, шпион нунг-нинэлэн, умукэндулэ сарилавэр илэлэ дэрум-кичэдэвэр илав. Нунган гунэн:

— Упкачин туги бисин. Цаголовво, гилвэ ичэвденгэ, элэ аямамат дялдачэвденга.

Бу дялдачилдавэр тэгэрэв. Саривун туги гуллэн:

— Суругэт, тадук эду упкатнун соктогичил-гат; бэюмэткиттули, ургэпчулдули тырганил-дули гулденгэт, большевикилва хэнгкэчилде-нгэт, тала сакля чагидалин урэтки гиркукит бисин, тала авдун, тар авдун башнядун ну-нгарватын дявучадяра — эденгэ-гу нунгарватын иниеврэ?

Муннун мэнгунгилвун бичэтын, бу суру-рэв. Бу тар бикит илэлнунин ичэлдырэв, — нун-гартын дялвэвун предайчатын, — нгалэиви эрил-дулэ предателилдула тыкундукив силгиндечэ-тын. Би гиркилэви хоримдячав, бу нунгарду-тын аракива униерэв, того дагадун тэгэтчэчэвун, хабадажинма, пирожкилва сыричилвэ девдечэ-вун, дзикка — сырвэ маслэду хумтэвчэвэ, ургэ-пчулвэ тырганилва хэнгкэтчэчэвун, бэюмэткит-тули гундечэвун, би гиркиткиви хоримдячав.

Бу икэнмэ икэллэв, би нунгарнунтын дыл-ганми дулиндин улгучэмэчилчэв; соктогил ну-нгартын сокачилла, гундечэтын: хэгдылвэ илэл-вэ продаваилдянгавун, ненгненилэ баясал одя-нгавун.

Би туги-дэ соктоггочин гуниг: би нунгарва-тын униемчэв, минду ичэвкэнэктын. Минду гунэ: геду тырганиду ичэвкэнденгэтын.

Геду тырганиду тыманидук нунгартын ара-кин-гвавун умдячатын, би соктогочин бинэ саклил чагидаткитын сурум, гиркиви нунгар-нунтын эмэним, нунгартын би ачиндув эдэтын хэнучиллэ. Би умукэнмэ нунгардуктын гам, бурумудечэн нунган, би нунганман дявучадя-чав, аран энгкив ханунгира, нунганман чуюр-дулэ анам, башняла им.

Илим, ичэчилим: нунгартын ороктоду лан-дукалди хуклэдерэ, эвкил сумнара, упкат лиги-ридыра, химкитчэрэ, энундерил симуладяра. Дялдачэдерэ, би нги-вэл бандитылдук би-нэм. Би дагамам, албангнам ичэтчэми, инамук-талви нимнгэмкидукив амаски сурурэ, би эденгэ сонгоро бичэв эргэчинду бикитту. Би ичэтчэчэв: Цаголов адерэн, энундерэн, би нун-ганман мирэдукин анутчачав нунган меллан, тэгэрэн, бурумудечэн. Би нунган гунденэлвэн, авады нунган авгара, сэвдепчу бинэвэн дёним, эсикэткэн нунган дэрэн стенагэчин — албанг-нам нунганман он-да омнгодеми. Би илитчам, чолив соктогнгигачиннги амнгадув гиркудявки. Би турэрви сокорим. Нунган минэ мэкчэрэде-ригэчин эчэсинэн, гунэн: „Нян дяльа ачин ом, Симон миннун улгучэмэтчэрэн, идук-кэ Симон эмэден?“

Эду би нунганман нгалэдукин туксанчам нгалэвэн дявучадяна, гуним: эр эчэ дяльа биси, эр бэлэгэ, Эя часки гунми, — эчэв сарэ,

эя часки гунми. Он бэлэми? Гиркилин нунган-
нгилин — авадыл бучэлгэчир хуклэдерэ, авадыл
лигиридыра. Башняду ингинмэмэ, — овца-да
донготоденгон, сиру-да донготоденгон. Эчэв
сарэ, ея эду олми, соктог, чуюрдулэ ананав,
ирэн, гуллэн:

— Нунгардутын хэгдымэмэ энумук (усэмук),
нунгартын буделлэ. Эмэвкэл мэнгуннгилви,
индерэктын.

Тала хуклэдечэн чеури — молотивун олдоксо
бургипчалнун дёлолнун — би нунган дылван
эр олдоксот капутмудячав, би нунгандун мэ-
нгурэ бумудечэв, нунган нгалэтви арпулилчан,
тадук суручэн. Би-дэ суручэв, буннгэчин бинэ
суручэв. Минэ ханнгуктара экун миннун оча,
таду, илэкэ би мучучав. Би гуним:

— Кэтэвэ умчав, минду эчэ ая бирэ.

Би гиркинунми дариски ом, гуним:

— Эя олдяп?

Нунган улгучэмэтнэви гунэн, нунгартын
пленнаилвэ эвкил бумурэ. Би аннгэтмудячав,
миннги сарив эмэксэ, гунэн:

— Сурукэл, Симон, эсикэткэн, си мэнэкэн
тар башняду одянгас. Аракингит манавча,
нунганнгитын соктонтын илтэндэрэн, эру син-
нгиду индус одянган.

Бу буникэггэчиндук сурурэв, — суруми эру,
эми сурурэ нян эру. Би тыкундукви нялим,
ингин эвки минэ гара. Би дялдачэдем, эя тар-

гачина, ичэтчэм: бираякан яргидяран, ичэчи-
лим — иманна аракукан унюдыран, нянгнятки
ичэчим, нянгня инемудерэн, амакан ненгнени.
Би Бета Хабаевва дёним: „Большевикил ненг-
ненилэ буденгэтын“, — нунганман хэнгкэчим,
муринми илбэм, нгэнэмэчинми сачав, омачи-
нми сачав. Би мэннгилэви гиркилэви Га-
стыевдула эмэм, миннги меганми гиркилан.
Гастыев сова миннгивэ дэрэвэв ичэксэ,
асалду юдэтын гунэн, асал юрэ. Тэли мунду
асалнун энгкитын тангматтэ, эр тыкин нун-
гартын бикитчэвэр бакара, тэли нунгартын
ханянду илитчачатын, нунгардутын доверия
ачин бичэн, эмичал, нунгардутын аял бичэ-
тын.

Гастыев гунэн:

— Экун синнун? Ичэдем — гороло гиркучас,
эва эмэвунни?

Би тэгэм, симуладячав, нунганман ичэтчэчэв.
Би туги горомомово ичэтчэв, нунган ханнгу-
такнанин:

— Эва ичэтчэнни?

Би гуним:

— Илэл, Гастыев, будерэ, аял илэл будерэ,
нунгардутын бэлэвденгэ. Будектын-нгу?

Элтэнэн, эсигэчин сердуви, турэрду тэде-
дерэ, гунэн:

— Бэлэвкэ.

— Тэли гукэл, нги тар Цаголов?

Гастыев минги эсалтыкив ичэттэн, миннгил эсалви маннил бисивэтын ичэрэн.

— Си керменист-большевик бисинни?

— Э-э, би керменист-большевик бисим.

— Туги Цаголов-да керменист-большевик бисин.

— Эва нунган одячан, би самудям. Би ичэдем, нунган хэгды илэ.

— Нунган пошту балдычан, поп эксэригэ, поптыла тэтыгэлвэ нодачан, тадук керменист очан, омологун упкатулин Осетия гиркудячан, большевикил списоктулитын голосуйдына, нунган кэтэвэ голосилва тавчан.

— Тадук эва нунган одячан? — би хангуктам, долдыналви илтэнмудеригэчин. Би упката ноноптыдук самудячав, он-ка хунатту анива эмэвнэливэр гунигнэрэ, таргачинди дылганди гундечэв.

— Тадук нунган Тифлистула суручэн, гирки Шаумян, чрезвычайный комиссар, — си санни, экун таргачин комиссар? (би дылитви донгкилбум) — нунганман Реввоенсовет председателидын очан, — си санни, экун таргачин Реввоенсовет председателин (би дылитви донгкилбум) — турецкайва фронтва этэдэвэр, трудящиилва дюлдулатын унгдэвэр.

— Нунган упката унгчэн, упката очан? — би хангуктам.

Гастыев дылитви донгкилбуран.

Тадук нунганман Шаумян Бакула гачан, нунгартын дюктэ хавалдячатын. Си санни, окин Дебола Кесаев, Андрей Гастыев, Коля Кесаев бучэтын, — Цаголов Осетия Реввоенсоветын председателидин очан. Эр хэгды дыл, иманнагачин дылача юдерэкин гиллэмэ.

Эду би илим. нян тэгэм, эр миннгивэ тыкулнавал савкаллэн. Гастыев гунэн:

— Си дялдачэденни, бу энэрэв упката сарэ? Си дялдачэденни, бу гиркивэр омнгоров, туги нгорчадячавэ, упкатуви нгорчанду будечэвэ? Си-кэ — эру большевик бисинни туги дялдачэдеми. Минду гукэл, си эмэдечэс гундэви осетинил, сомамал конгномол осетинилдук, нунганман предайчатын, нунганман плендула гачатын, нунганман башняду, авдунду, ингинду дявучадячатын?..

Эду би албам симуладями.

— Нунган энундерэн, — би екэлим, — нунган геду нгориду индеригэчин гунивки!

— Си, Симон, дэрунни, — минду Гастыев гунэн. Буркэвэ гакал, намапчуду бикитту хуклэскэл. Георгийду тиф, нунган дяля ачин, нунган эчэ синэ тагрэ?

— Эргэчин-нгу дело? — би нян екэлим. — Дело эчэ таргачин биси! Тагчан-нгу, эчэн-нгу тагрэ? Нунганман тадук... Би сундулэ таргачинма делово гундэви эмэдечэв, нунгандукин миннги хирэктэлдув сэксэв хуюдерэн. Эда би

хангуктадячав? Минду нунган аминин-энинин самувчул? Э, нунганнгин аминин-энинин минду сомамат самупчул! Эда си минэ кэсэгитчэнни? Мудандула гукэл.

Гастыев гунэн:

— Си мудандула эчэс сарэ, нги тар Цаго-лов, би синду гунчэв, — тыкин си санни.

— Си тылденни, — би ёкэдем (би мэнэкэн энундеригэчин бичэв, дяля ачиндуви гундечэв), — нунган бадечан инмудеми, этэн ичэрэ бира илэлду хавалилнаван, мит онгатын нунган индэн, нунган ичэдэн — эли би гундем.

— Алаткэл, Симон, — минду Гастыев гунэн, — осетинил дянмэ тэсячалва рублилвэ эетчэрэ. Мит нунгарватын будеп, нунгартын нунганман эмэвденгэтын. Гирки Хусина, гирки Уртаев, тадук Миша Келагов нунганман, тадук гиркилван гэннэсиндэнгэтын — туги эргэчин дело тэдэн бисин, си эсикэткэн упкатва санни.

— Гастыев, — би гуним, — нунгандулин хэгдылвэ мэнгурвэ эетчэрэ, нунган тамантадянга — ма-хадзар! — таргачирва дырамилва мэнгурвэ. Митту, большевикилду, таргачир мэнгур гэлэвдерэ. Би илэлвэ гадям, нунгартын мэнгуннги-тэйл мучусинактын, би нунганнгиватын сэксэвэтын умилдянгов, би нунгардуктын упкатва тагдысчангов, упкатва синдулэ мучувдянгов.

Гастыев ёкэдерэкинмэл, саклядук туксасчав, минэ илэл асасчатын, би партия дисциплинэ-

вэн омнгочов, умукин суручэв, тар илэвэ аявдечав. Би илэлвэ тавнасчав, отрядвэ онасчав, бурунчэдэви (нападайдэви), тадук мэнгурвэ тагдыдави. Нгэнэдечэв, илэл миннгил эринду-лэв эмэдечэтын, би умукин пэктырэвучи бинэ, энэ нгит-вэл нгэлэттэ гиркудячав. Долболтоно би нгэнэдечэв, март бичэн. Долболтоно би нгэнэдечэв, даригидалдулив урэл туксулгэчир нгэнэдечэтын, би урэлди хэвдендечэв, миниклэ силимкुकэндули хоктоли туктыдерилвэ эчэв ичэрэ. Умнэт мурынми илан, угигит минтыки екэллэ. Би эчэсиним, Цыца минтыки екэдери-вэн тагим. Цыца миннги родовой булэнми бичэн, би нунганман большевик онадукви омнгочов, окин-да эмчэв иличэрэ. Нунган мэнэ-кэн угигит ёкэдечэн:

— Итыгар-гу будэн бисинни си, Симон?

Эду би нунганман халдячивкалчав, упкачит турэрди хэнгкэчилчэв, винтовкави эчэв имэн-нэлгэрэ, нунган ёкэдечэн:

— Су илан аннганил амаски кэтэтмэрвэ гачасун, дюрвэ кэтэтмэрит миннгиду родтув вавчалди гачасун, би-дэ синэ дюрдули танг-дялим. Си итыгар-гу будэн бисинни, Симон?

— Цыца, — би ёкэдечэв, — тыкин Осетияду илэтыкин гэлэвдерэкин, си монгнон биденгэс минэ вами! Дёнкал, эсикэткэн кровничество омнговчо. Такоев тадук Уруймагов бадамал-нун нгорчадячатын, дюктэ вавчал, нунгартын

кровникил бичэтын; Галиев тадук Дзарогов дюктэ нгорчадячатын, нунгартын кровникил бичэтын.

Нунган хэнгкэтчэчэн, элэ ёкэдечэн:

— Су дюрвэ вачалди хэлэкэт гачасун, су дюрвэ вавчалди хэлэкэт гачасун!

Тэли би нюриктэлви тэгэрдулэтын хутаргам, нунгантыкин ёкэлим:

— Химат вакэл, монгнон!

Нунган пэктырэниксэ, минэ мирэлив навканэн, би муриндукви бурум, дэрэви, иктэлви бургим? Би илим, иманнава мирэдуви ламбараним, дэрэви имэкиннгим. Муриндугви угим, аран исим, Бету Хабаевва тадук упкатва нунгангилван бэлэмнилвэн хэнгкэтчэнэ. Эр дярин би албачав дянмэ тысячалва деромодёми, осетинил Цаголова тадук хунгтулвэ Фиагдон дяпкалан эмэвчэтын, сурувчэтын, нянгнячилди нгалэлдивар тар мэнгурвэ гаксал. Би мэнэкэн хукэлкэтчэчэв, ёкэдечэв, гэевун няксэды энучан, би хангуктадячав: одянган-нгу миннги нгалэв, этэн-нгу нгалэв ора? Минду гундечэтын: „Одянган“. Би адечав; мелдяна, сомамат хэкэргэчэв энэливи Цыцова варэ, нунган родтун илива эчэв варэ.

Би аичивчав дылача печкэгэчин дегдэдэрэкин, би чиркудячав, нгалэтви сумналбудячав, нгалэви хумналбудяритви уринчэдечэв. Эду би Бета Хабаев багдамалва эринэлвэн тылчэв, ну-

нгартын Христианскайдула эмэдерэ, урэлдулэ сурувкэ, дикилнасинивка. Би муринма гам, умукэнди нгалэтви аят хавалингкив, гетви — эрут. Учим, тадук Христианскайдула сурум, эчэв урэлтыки сурурэ, тала Цаголов хуклэдечэн, би нунганман сурувмудечэв — элэ эчэв амина.

Минэ умукэн илмакта, илэ бокочон минду хунгту илэ, гунчэн:

Христианскайдула гиркудянал суругэт. Казакил эмэдерэ, угучадярил бирэкит, — муринмат тагдыдянгатын, митвэ ваденгатын.

Би гунчэв садяриви иду-кэ мурир дявдянгаватын, бу нунгарватын дагаканду дяярв, сурумудечэвун, упкачин мурукэвчэ бичэн, генерал Вадбальскай китэмэли хуктывуктэдечэн, дяпкун тысячал казакил хуктывуктэдечэтын, нямадива пушкалва иливдячатын, генерал инёмудечэн, нунгандулан делегациява эридечэтын, нунган делегациява хэнгкэтчэчэн, упкатван населениява дюлдуктын асактавкатчэчан, инёмудечэн. Тэли би студенттыки гунчэв (нунган минду студент бисиви гунчэн) нунган мурирва этэетэн, би Цаголовво урикиштулэ нгэнэсиним. Студент мэнэкэн гунчэн нунгандун гуннэвэтын. Цаголовво урикиштук эмэвдэн нунган тара омуссадянган би этэечиллэкив. Би этэечилчэв, миннги меганми бирава дагдяригачинми бичэн, мурин мулэ бурумидеригэчи-

нин, эдеригэчинин, би нунганнунин эелды-деригэчинми. Би пэктырэкэтэвэ долдычав, гэевуннгивчэ мирэв энуллэн, синнгипчу нгалэв миннгиллэн, эчэв би сарэ эя-да омачинми. Студентва албакса алатчэми, би мэнэкэн сурум, мурирви эмэниксэ, нгивэ-дэ эчэв бакара. Аран казакилдук суручэв, мурирдулави мучу-чав, мурирду студент чукаду хуклэдечэн, сонгодено. Би нунганман угирим, нунган халгардуви эрут илитчачан, нгэлэлнэдукви эя-да албангкин гунэ. Тэли би нунганман халгардун иливчав. Миннги энунми умнэт илтэнэн. Би нунгандулан дагамам, нунган сонгодено улгучэнэн:

— Цаголов сарайду дыкэнчэн, сарайвэ ка-закилду предателил нунгничэтын, казакил са-райвэ пэктырулчэтын, нунганман пулкилди бурбэнтывкэнэ, Цаголов эчэн навканмувра, нунган дуннэду хуклэдечэн. Пулкил сарайвэ бур-бэнтырэктын, нунган илчан, сарай оеткин тук-тычэн, казакилва ичэчэн. Нунгартын этэчэтын пэктырудеми, нунган, угигит микчаникса, ка-закил дэрэлэтын очан. Нунгандун дюрдяр уму-кэн аннганил егин бегал бичэтын, казакил тэдедечэтын большевикил — иечикэкур чугдыл, бадечатын нунганман долчатмудями, нунган нунгардутын гунчэн:

— Э-э, би большевик, би Георгий Цаголов бисим, э-э, би свободный осетин бисин. Эда су пэктырэвутэил хавалдырилва бугаски нгэнэ-

дес? Би мэнэкэн барингачин бичэв, би мэнэ-кэн бургулвэ курицэткэрвэ девденэ балдыдя-чав, би сливкэлвэ умидяна балдыдячав, тыкин тэгэл урэчиндулитын будем, сундули, хавалды-рилдули казакилдули, тар тангуду. Эда-кэ су нгорчадяс, балин илэл? Су дядангилва тырэ-чэмнилди капиталистылди, суннгилди офице-рилди — багдамал погонникилди балингивчал бисисун, нунгартын сунэ тырэмудерэ, сирула сундук омудяра, мурира сундук омудяра, рабила омудяра!

Тали нунганман казакил пэктырулчэтын, нунган эчэн бурурэ, гунчэн:

— Миннгиду сэксэдув, хунгтул нгорчамнил сэксэдутын, он-мал су омураксун. эмурэксун-нгу коммунизм итивувдянган! — энэ хэлинчэрэ мэкчэрэвэн.

Студент сотмарит сонголчон, би гунчэв:

— Дюктэ нунгарватын иктэвэт, тарбае, асу-на ваденгавэр вадеп.

Нунган тугэнигэчин багдарчаран, хилгиллэн. Би винтовкави накалилкадукви урисиним, син-нгинипчу миниги нгалэв иктэвуннгэчин буру-рэн, энумэмэ бичэн, би чоливи кикидячав, би дариски суручэв, Бета Хабаевва, контррево-люция упкатван хэнгкэтчэнэ. Долбонива энупчу бичэн, тадук гева, илива.

Тадук бу Цаголова Христианскай селоду нэдечэвун, памятникян иливчавун. Би элэ ну-

нган гундеривэн дёнчадячав. Нунган минду бирали гуннэвэн — би упкаттук сотмарит дёнчадыам. Умукэн-дэ илэ минду, гэлунду горедту, эчэн гунэ, он таргачин биденгэн, — бирадук нгэри одянган. Би амэчинми таргачиндук дялдук сокорчов, минду ичэвдечэн, би вевагэчин одялим, би бирала микчанделим.

Эду багдамалду мудантын эмэрэн, мунги нгалэв авгарагачин оран, минги мирэв миндулэ туги-дэ мучуран. Праздник бичэн, илэл гудеймэмэлду мурирду микчасудячатын, кэтэмэмэвэ девдечэтын, кэтэмэмэвэ речилвэ гундечэтын, икэвурвэ икэдечэтын, мурукэду пляшидечатын, чепенмэ пляшидячатын, симгава пляшидячатын, касгонкавдувэ пляшидячатын война городу этэвчэ бичэн, овулkit ноновунума бичэн.

Дебола минтыки гундерэн:

— Си, Симон, станциява Кураду Зем-Авчалду одяриватын долдычас? Тарилдук хавалдук Кавказ дулинин нгэрипчу одянган. Нгори Кобимэклэ, Тифлисмакла дегдэлденгэн.

Нунган улгучэнчэн городук Кураду хавалдяриватын, биранун воюйдеривэтын, нунган аямамат улгучэнчэн, мэкчэрэчэ Цаголовгочин, таргачирди турэрди, нунгардуктын минги упкачин эмугдэв мурэли суручэн, би вевагэчин чемпенмэ, симгувэ, касгонкавдэвэ пляшидячав, гуниктэденэ:

— Багдамалнун кусичавун, биранун кусинасчэнгавун, багдамалнун кусичавун, биранун кусинасчэнгавун.

Би мэнгилви идыгэлви тэвум, Загэс-тула сурум. Тала нонон авадытыкирду хавалду хавалилчав, индуви кэсэдук хунгтуе эчэв, эя-да оми мулликан бичэв. Тала Кураду би ичэчэв таргачинма экумава авады-да университет этэн ичэвкэнэ, авадыду-да книгэду эчэ дукувра. Би тарит адыканэ сунду тэли гунделим, эва таргачинма ичэчэв.

Тала дюр бирал умунупивкил умукэндулэ, умукэнду му-чулбама, бирюзагачин чулбама, бирава Арагват гэрбичивкил, геду му-сингама, хэгдывэ каланма ингат тэсидеригэчинтын. Геду бираду — Кураду — хэгдымэмэвэ плотинава одяра, умун плотина, гева плотинава, тырганива-долбонива улэдерэ, кэтэмэмэ илэл, илэл сигдылэдутан мосагачинду кэивденгэ. Упкат ёкэдерэ: „Хабарда, хабарда!“ эр бисин — эденчэкэл, динамитва нэдерэ, хексалва касидяра, таргачин мигдын, бирангиду хэгдытмэмэт. Ичэтчэм — бира дулумнусача, нунгандун упкачин умун, эва-да нунганнунин одярактын, эмивал эр эчэ туги биси.

Би плотина хэргидэдун хавалдячав, делолво ачиннгидарядудутын, тала халкачар иктудечэтын. Тыкин би Гизельдон-ониду техник бисим, упкатва таргачирва авдулва сам, тэли-кэ гирку-

дьячав, нгосуктадячав, чивдячав коза турукэвэ чивдяригачинин, упкачин алапчугачин, упкачин эсигэчин тыливгэн бирэ бичэн, толкин-нгачинду. Тала бу сирулгачир, буйволилгэчир хавалдячавун, таргачинду ониду энгэсилвэр энгкивун одеро. Халтын хэгдылвэ дёлолво бургидянгкитын, гил нунгарватын сурувденгкитын, илилтын урэвэ пурупчагэлди пурупчанэденгкитын пурупчанэл силгинденгкитын, илэл тугэ эдыннгэчинду силгинденгкитын, эмивал таргачин хэку бичэн, хуюкукэр паровозил хувгинденгкитын, хуюкукэр вагонкар хэргиски, угиски хуктыдечэтын, дёлол бурудечэтын бира нунганман болгичадярактын умнэт ёкэдечэн, блокил чикинадячатын.

Бу упкат ландукалди хавалдячавун, дёлолдук, дёлол хэтэкундыктын упкачин тэтыгэ дегдергэчинду дегдедечэн, нги-вэл тэтыгэлви энгкин одеро, упкат нёксэлвэр нгалэлвэр гедитын олдондитын тэсиденгкитын, туги мигдымэмэмэ, хэвдеймэмэ бичэн, эргэчин умукэмэтту праздникту эркэ бирэ. Тэли ударнэйлвэ бригадалва эчэтын сарэ, гиркил, упкат бу ударнэй бригадэгэчин бичэвун, дыгиллэду мэрдувэр бивурэвэр дюлавар иливунгкивун, эду би плотникит хавалдави татычав.

Окин-ка би ичэчилчэв, авадыл тар мурэли кэтэмэмэ илэл, упкат хунгтумэлчэл илэл бисивэтын ичэчэв, чайкангкив мит аямамат биде-

ритвэр, учэлэ упкат нгинакиргачир кикматчэ-нгкитын. Эду осетинил, грузинил, обхазил, русскаил, шведыл, армянил, татарил, тадук кэтэ хунгтул хавалдячатын. Би эр интернационал бисивэн тылчэв, эр дялдули городу гражданскай войнаду нгорчадячатын. Бу кабардинцалдули Пятигорскай дагадун нгорчадячавун, ингушилдули Владикавказту, хавалдярилдула грузинилдули — Рачаду, тыкин упкат мирнэйвэ инмэ одячавун.

Туги кэтэмэмэ турэр мурэли бичэтын, би упкатнун сомамат гэлэлчэв турэчилдэви, илэтыкинмэ тылмулчэв. Би русскайдыт аят турэтчэчэв мунду кэтэ умунтэгир аят турэтчэчэв мунду кэтэ умунтэгир турэр бичэтын. Би гунигкив „мад“, русскайдыт эр бисин — „мать“ (энин), би гунингкив „мит“, „мазг“, русскайдыт бисин — „мед“, „мозг“ (дял), муннгэдыт „сердсе“, русскайдыт бисин — „сердце“ (меган), „зима“ русскайдыт, осетиндыт биденгэн „зимег“ (тугэни). Туги би тэлиннгэ тылилдылчэв гайкангкив, грузинилду „эни“ гунмунувки „деда“ (амака), „амин“ — грузиндыт „эни“, би тыматнэ грузиндыт хавадуви гунигкив: „комарджоба, амханнаго“, туги-гу „хогасахард кацо“, эр бисин „здравствуй гирки“, туг-гу „авадыл авгарасун, илэл“. Сурулденэ, гунигкив: „ичэл-дыдэлэвэр“, грузиндыт — „мшвидоб“. Туги минду аявупчу бингкин, би кэтэвэ хавал-

дярива тылингнэм. Би илэтыкиннун митнгил делалдулит, митнгил хавалит улгучэмэ-мунгкив.

Би элэкэс эмэчэвэ гиркиви, тюрк-ку абхаз-ку бисикин, эми тыллэ, би умун турэнмэ: „Ленин“ гуингкив, нунган „Ленин“ гуингкин, бу самэлкилди-гу тылилдынгкивун, тыливкэн-денгэ-гу бакангкивун, би сангкив, эр-митнги илэ.

Умнэ би илэнун улгучэмэтчэв, нунган эру-вултэ, дюлакин бичэн, дело нунгангиван нгалэван сукчанадукин. Би нунгандун аичимнива ичэвкэчэв, он нгэнэми. Нунган минтыки эчэн гунэ, элэ дылитви донгкилбудячан, би нунгандун гунэкив: „Ленин, гирки“, нунган хэгдымэмэлвэ есалви кошкангигачирва угирчэн, „Магомет“ гунэн. Нунган „Ленин“ эчэн гунэ. Би дялдачачав, эр тэгэрдуки мусульман бинэн, гунчэв:

Магомет ачин, си нунган ачина инденгэс.

Нунган грузиндыт турэчиллэн, нунган аджаред бичен, окира-да гунчэн: „Магомет, Магомет“. Тэли би гунчэв:

— Эда си минду энгнэнни гунэ, турэнмэ, тылденэ? Си окира-да „Магомет, Магомет“ гундеми, тэли си эру илэ бисинни, синэ мулал, попил кэивкэчэл, си муннун бингэтыс, энэ нунгарнунтын, мит умукэнду биранун они дярин нгорчадяп.

Нунган минэ колтотви нгэлэвкэттэн, би нунгандун эчэв эя-вал эруе ора. Би эр илэвэ денчалчав, нунган мудандулави эру илэ бичэн, мунду хавамнил энуниллэктын — нунгартын эрувэ мувэ мэнгидуквэр эсидуквэр торочоро умдячатын, авадытыкирва хукитэ энумукилвэн гачатын — нунган дюлдула гиркудячан, делум гундечэн энумикилдук упкат биденгэтын, бугаски эксэриэвэ, магометва делалва дяритвар. Би нунганман онган чагидадун дявачав, нунган эмэнмучэлду элементэлду гундерэкин тифва эмэн кэтэнгдерэ, — илэлвэ ачиннгидавэр эрбэвэ умундулэ тасчал.

Нунган тиф овкитван гундечэн: мунучэвэ уллэвэ нгикимнадук гавкил, илана долбонила, илана тырганила улачивкил, хирбивкил, улэвкил, тадук илана ламбала тэпэрэкэрду уливкил, тэпэрэкэр, депиксэл, тифва лавадыва-чивкил.

— Авады си хэгды монгнон бисинни, монгносол синэ долчатчарил! Бу, большевикил, тэпэрэкэрду тумнидячавун тадук суннгэгирдудэ, — би гунчэв.

Нунган миннгилдук турэрдукив нгэлэллэн, эчэн хавалдыми, тала суручэ, эдук-кэ эмэчэн.

Эр дярин би эрэвэ улгучэнчэв, би нян мэндубливи дялдачилчав, алавупилчив упкатва ичэчилчэв — авады труд, авадыл машинал, авады савка

пролетариатту гэлэвдерэн. Тамура гиркиви Георгийва деним, нунган эр тэдэт гундечэн, би нунгандун эчэв тэдедерэ, тыкин би тэде биранун нгорчалдянгав, муннгигэчинэ олды-нговун. Кобидук Тифлистула нгэри биденгэн. Таргачин хэгдымэмэ хозяйство мунду эр бикитту балдыран. Эду чопкоки Пипиа-Хеви трубаду гавмачин бичэн, канал иландяр метрил албичи овувмувдячан, дяпкун сунгтачи, плотина новмувдечэн, тыгдылэр иливувмувдячатын, хэрэ улэвувмувдечэн, дёлол ачиннгивмувдячатын, хава иланди дюгэлдинди нгэнэдечэн — долбо-тырга. Би хавалдяна, ичэтчэчэв авадытыкир итыл хававэвун эвкил аят хаваливканэ, авады контрреволюция дикилнаван ичэтчэчэв. Синду гунделим, элэкэсипти контрреволюция бира бичэн. Нунган аракумамат ачиннгачин яргидячан, умнэт упкачин юрэн, упатва экунка навувунгкин туксанчудячан, кош-ка уллэвэ куксанчудяригачинин. Ге контрреволюция муннги, бидерилнги, мэннгивун мэнгнэннун бичэн, упкат энэл дялдачэрэ гиркудячавун, мирэдувэр энэл дылилвар арбузилва угактадячавун. Би матагдула городтула Мцхеттула дэрумкичэнэнгкив, эрумэмэ город, холокто, эми-вал мэндукви элэкин. Тала дагдуан духанду дялнунми тэгэтчэнгкив, авадытыкирва тырганилва дентудянгкивун, аямамат гундэнгкивун. Би пляшидави аявунгман, илмакта-

маю бичэв, би синду гунделим, окин-ка эр гудёит бивки би таргачиндули пляшиндули илитчам.

Мцхеттулэ эмэм, духанду дюр супирэчил ирул илла. Буйволил дылилдивар этэлудерэ, амтаксидяра, писканадяра. Грузинил, ирулдуквар микчаниксал, духандула сурурэ. Нунгартын чонгтокотолво аракива умна, тадук эчэл эя-вал. Умукэн умнэт пляшиктэллэн, эчэ умнадукви — эмугдэдукви: нунгандун хэвденин кэтэ, нунган халгардулан сурувки. Аямама! Нонон умукэн халганин пляшидячан, тадук ген даран сурурэн, тадук дюктэн халгарин умукэнду: Тадук нунган аямамат бусэтви хоролбулчан, ая ичэтми бичэн. Ичэм — мирэлин эчэл тэрэрэ, пляшиллэ, элэ дылин энэ пляширэ инектэдерэн, кэ, тадук эсикэкэн дылин он-малдонгкэрэран, эесинэн.

Ге хуюкукэн грузин ичэтчэн-ичэтчэн Кусагин униекиттукви (прилавоктукви) ючэн, нунганман сагдыткула гиркилан аракукан ануллан, тар воздухту дэгиктэдечэн, дэрулчэ бичэн.

Умнэт хуюкукэн, кетаракса, исэлэгэчин донгкиргаран, хангалтыкиви иктэрэн, минтыки хоримисиникса, нян сурурэн. Нунгартын куллагачир дэгиктэдечэтын, энэл дуннэду туттэ, нунгарватын ичэтми хэвдеймэмэ бичэн, тадук дюктэ умнэт ёкэсинэ, ирулдулавэ микчанэ,

буйволилвэр иктэрэ, буйволил писканактара, эмэнэгэчиндивэр сокоривра. Туги аямаат ичэтмувчут сэвдендечэтын, энэл хавалду алгатта. Би духандула гевум эмэм, молва эенмудерил тэгэтчэрэ, самаварвэ дылдувар иливнал пляшимудерэ. Кусагин самаварвэ нунгардутын бадерэн будеми, тэдэт гундерэн: эда согтог хэкупчувэ мувэ мэндрави унгуудедэн, инми ачингидави. Нунгартын мириргачир умдьяра, кенгаритчара, кукчардивар иктудерэ — эчэ ая биси.

Умнэт умукэн гуллэн:

— Кацо, Кацо, аят-ку тэмулвэ уйчэс?

— Нги-ду синнгил бревнолли гэлэвдерэ, — ге гунэн, — авгарадуви умдякал, тэгэтчэкэл!

— Эрут уйденгэс — бира сурувденгэн, — нонопты гунэн. — Кура мудэдерэн, долбо экун одян, урэлду — удун удундячан.

Би дялдачэдечэв: „Монгносол дылил, таргачинма кэсэптивэ хавалмачинмар ачингивдьяра упкачин хитэкэл“. Нунгартын тэгэтчэрэ, умдьяра, умукэн сурурэн эмэрэн, аран эмэдерэн гуллэн, аран гундевки:

— Кацо! Эрут юдерэн бревнол мэнэкэр ээки эендерэ.

Эду илэл инэктэллэ, дялдачэдечэтын — харпука. Би-де инектэдечэв, упкатнун ичэтнэсиним. Умнэт минду ингинипчу оран, бревнолгачирду муду.

Бира бревнолва этытчэ, дёлолтыки иктуденэ, усилвэ этытчэ, упкат бревнол ээки ээсчэл, пушкэлгэчир качунадячатын. Би Мцхеттук биситви туксадячав, авуими нгалэлдув, хунгтул хавалдярил илэл туксадячатын, мунду горотконду эюмкун нгэнэвуувки тыгдылэкэн бучэн, ичэрэв: бревнол эендерэ, тыкдылэнмэ иктудерэ, мунги тыгдылэнмун халдуви бурутчэ, ээчэ, олдоксол бурукэимил бревнол амардуктын эеки эесчэл.

Бу дяпкали туксадячавун, ёкэдечэвун, тала часки, бираду, тэмулду забойнай машина илитчачан, бревнол нунгантыкин эендечэтын, нунгартын нунганман иктудечэтын — бу забойнайва машинава бунингингчэвун, эмчэвун нунганман окин — да ичэрэ, аялавун, нунганман бревнолди мурукэрэн, нунгартын дюлэски элэ эендечэтын, бу нян ёкэдечэвун, дюлилэ арбаду буравэдыл тэмул илитчачатын, буравэл хэрэтки дывчэл бичэтын, нунгардутын бревнолдук мудантын омудячан.

Би пэктырэвунми гамудячав, эрилвэ монгносолво пэктырумудечэв, би сомамат тыкулчав. Бревнол эрилдук илэддук чулитытмарил бичэтын, нунгартын тэмул хэргидэлитын хуррэ, харгидячатын, харгидячатын, мэннгилдувэр сэгдэннэлдувар хэрэтки дывчэлвэ буравэлвэ урисина, энэл нунгарватын сукчара, тадук дю-

лэски эесинэ. Тэмул элэ сумнадячатын, эчэ экун-мал нунгарнунтын ора.

Эргэчир авадытыкир илэл бингнэрэ!...

Бу туксадячавун, ёкэдечэвун, машиналдули, муннгилдули хавалдули нгэлэтчэчэвун, тэмулэвнил ичэтчэчэтын — бревнол ачир, духандула сурурэ, дылдувар самаварвэ иливнал пляшидечэтын, дылилдувар хэкупчувэ мувэ унгкутчэл, тадук таду-да дуннэду асина, эр эрумэмэл илэл бичэтын, нунгарватын энгкин ичэтмуvmэттэ.

Би эду тылчэв, авады омакта, авады холокто иты бисин. Омакта — тымардук тымардула муннги хававун бичэн, холокто — илитчачан, нгалэлви нэксэ, ичэтчэчэн, эр муннги булэнмун бичэн. Эр дярин нгорчавдячан, омактат бивдечэн, эвкэ бичэн тэмулэдерилогэчир-гу, илэгэчин-нгу гундечэгэчинди: „Магомет, Магомет!“ Экун тар Магомет, окин-ка кэтэ хонингил гиркил, партийнаил биси? Эва хавалдырилду тэгэлду Магомет очан?

Туги умнэ минду гунэ:

— Гирки Симон! Эда эр гирки Серго долболтоно тыкин монастырдула гиркудявки, он эр ичэвденгэ?

Би гуним: „Эр эрут ичэвденгэ, би мэнэкэн экун нунгандун монастырду аявувдяриван ичэтнэсинденгэв, гирки Серго аямамат социализмду хавалдыран“.

Моңастырб умукин тала мунду урэ оедун бичэн, тала итэлэ эксэриду молидавэр туктывэтчэнгкитын, ге — эксэргитмэр, таду эсикэткэндэ авадытыкир эсил сознательнаил элементыл бидерэ. Долболтоно би сурум, тар монастырду кэнггилэнмэтын долдым. Би эмэм, авадыл илэл бидеривэтын ичэчилим, самувчумамава ичэм.

Кэнггилэн кэнггинэллэкин, тылинни, туктыкичилдули манахинял сурурэ. Атыркачар, атыркачар, лимонгачир котыргачар, оголтын курицэнгигэчир, илмактал — сэксэкэмэтъе ачир, свечалвэ эмэвдерэ, иливдяра; аси, хэгдтыку монахиня, юрэн, тангдыран, тангдыран, будэви хэлинчэдериогэчин, хагдылди иктэлдиви хедяран, упкаттыки ичэтчэнэ. Тыкунна ичэсинэкин — упкат икэливкил.

Кэ, би синду гунделим, бу, осетинил, туги хитэклэ эксэриэвэ тэдедерилогэчир тангичавдянгкивуң. Нги-дэ энгкин поштула крестивдэви нгэнэрэ. Учэлэ дюрэ рублил тадук тэтыгэе крестивдэви эмэми бунгкитын. Миннги амакав дыгрэ гиркучан, мулэ угдувасчан, туннгивчан суручэн, нунганман поп халдячивкачилчан.

Учэлэ бу поштува эксэриэвэ эрут ичэчингкивун, эсикэткэн би нунгартын икэдериэвэтын албамчав ичэтчэми.

Мунду кооперативду спичкалва, папиросалва, иммэлвэ бутчэрэ, таду тыматнэ хэгды олло

„чинари“ гэрбичи, русскайдыт — „усач“, хуклечэн. Нунган униекишту хуклечэн, хонголдиви ласпунадячан, есалдулин дылкэр гиркудячатын, нунган амнгави кангкимамат — кангкимамат ангаденгкин, конгномомо, чинари, усач Курадук.

Ичэчилим — монахиня оллогочин — конгномомо, амнгави ангавки, албавки эридеми. Би мэниклэви инектэлчэв, Серго эду эва одяриван гэлэктэлчэв. Ичэм — нунган колонналду илитчана, делум инектэдерэн. Нунган юдэн би самэлкилва ом, нунган юрэн, бу бунилду тэгэрэв, би нунгандун гулим:

— Гирки Серго. Кинематограф митту мэнгит Загэсту бингнэрэн. Эда эргэчирвэ картиналва ичэтчэнгнэнни? Эрүпчу эргэчирвэ картиналва горое ичэтми, монгнон одянгас. Митту нгалэлди нянгня ачин хава бисин, эду, он-ка русскайдыл гиркил гуингнэрэ, волва хоролбудяра.

Серго инесинэн, минэвэ самналбусинан, гунэн.

— Би эчэв нунгарватын ичэтчэрэ, би умукэнмэ хунатва ичэтчэм.

— Авадыва хунатва?

— Би нунгардутын эруе омудям.

— Авадыя таргачина эруе?

— Умукэнмэ монашенькава комсомолдула ивмудем.

Би инектэлчэв, бунидук аран эчэв бурурэ, би эрэвэ дялдачэлми — эмчэв дялдарэ. Нунган хунатва тадук юврэн, нунган мунду Загэсту хавалдячан, тэтыгэлвэ хилкидячан, эчэн эрут хилкидяра.

Тадук бу Сергонун инектэнгкивун, би нунганман монашескайды индули эрунгичилмурэкив, дялдачэдеригэчиндиви, нунган тэгэдылди мэнгурди бугдылдулэ угдусмудяран.

Эргэчир авадытыкир инду бивкэл бингнэрэ, тыкин кэтэтмэл, кэтэ илэл хэгдылэ хавала умунупчэрэ, эду геройскаил делол овувдявил, тадук хугуски.

Умнэт би албалим эда-вэл асиндями минду хэгдымэмэ хивин оран, мирэв гилкилан. Би дяпкаду тэгэтчэм миндули Кура сингамалди игдывурди гиркудяран, би муннгилвэ биралва сирбалгэчирва дёлочилва деним, Кураду эчэв тэдедерэ, он-да эчэв тэдедерэ.

Тэгэтчэм, эр мутки ичэтчэм, нунгандун дылгар гиркудярилгачир, минэ дяргамудянал, улгучэмэттэвэр нгэлэтчэрэ. Би хунгту илэ бинэ тэгэтчэм, даккитту тэгэтнэдукви, Дебола эдеденгэсин. Би политграмотова сам, хавамнидылва татыгарилва ичэвкэчэв, дялдачэдем — курсэлдулэ хава этэврэкиннун суруденгэв, саденэ удякиттули часки нгэнэдем. Эда-кэ миннги омударилви — бревно удякитва тэлбэт хуклэдеригэчинин? Эда таргачин?

Долбони нямапчу бичэн, би оналвар хавал-
вэр дентулчав. Бу дюрдярвэ метрил хексаду
бургичавун, би хэрэн амакан одяллан, нунган-
ман бетонди унгкучивденгэ. Аямама.

Эр аял дялил угидэвэ гара, би биратки
этэлуденэ асиннадем. Дюлави нгэнэдем, эчэв
амудяра. Эми-вал Сергова арчам, папиросалва
таниллав, улгучэмэчиллэв; эркичиллэв, эрки-
чиллэв, ами умнэт давдыран, упкат асинав,
элэ долборды дюгэлдын хавалнасчан.

Тылкэл, эду. нэливсипчумэмэ улгур оллан.
Нонон толкинма ичэчэв. Эрүмэмэ тар толкин
бичэн. Би хоктокондули нгэнэдем — Цыца арчап-
тыки. Цаца гундэрэн: „Би синэ пэктырудечэв,
эсикэткэн си минэ пэктырукэл“. — „Эчэв пэкты-
румурэ“, — би гуним. „Пэктырукэл-гу, — гу-
нэн, — би-гу синэ вадем“. Ичэчим — хоктоконду
му, хэннгэндули му. Цыца минэ мулэ ануллан,
би хэннгэндуливи муду илитчам. Есалви ан-
гам — минэ Серго, анутчана, екэдэрэн:

— Хэннгэндуливи муду!

— Экун, Серго, нги хэннгэндуливи муду?

Серго силгиндерэн.

Упкат хэннгэрдуливэр муду!

— Экун таргачин, экун таргачин?

— Кура эмэчэ, Симон, тала упкат туксадяра.

Кура эмэчэ!

Мигдын, паровоз мигдындеригэчинин, илит-
чачан. Оки-ка илэл дюлду бидечэтын, оки-ка-

хавалдячатын, упкат туксадячатын, авадыты-
кирди дылгарди хэнгкэтчэчэтын. Упкат уму-
кэнтыхи дютки туксадячатын, муннги хэгдытку
омнивун, Баграт Михйлыч, бидериткин. Упкат
нямадит турэрди екэдечэтын: „Айкал, Баграт
Михалыч! Тэгэкэл, Баграт Михалыч, айкал?“
Би туги аямамаат Цаголова гунчэдечэв, он-
ка нунган гундечэн: „Воюйденгэс биранун,
гирки Симон, „би-дэ екэдем:“ Айкал, Цаголов!“
Баграт Михалыч рубашкэрэгдэ, хэргирэгдэ
юрэн, муннун эеки туксастан.

Эду би Курава ичэчэв, тылчэв, экун тар
предательство бисин. Авадыл-да синду синга-
мал игдывур ачир, авадылда синду таргачир
дылгакар ачир, — упкачин тыкундукви нгунг-
нэмэмэт нгэридерэн, иктэлви дихилича, качу-
надяран, качунадяран, гиркилви упкат муду,
упкат машинал муду хактырду бира мударин
эвки ичэврэ, элэ мигдын эдынигэчин авдун-
дук нгэнэдерэн.

— Эр, — гуним, — контрреволюция эмэрэн!

Би эривунмэ туксанчэм, хэргиски, бусэлэ-
ви мутки, микчаним. Му илэлвэ, машиналва,
овурва туксанчудяран, эду муду плотинава
нэвденгэ.

Баграт Михалыч нунгнитчэнэ дылганми со-
коррон. Упкат илэл элбэскэтнэскэчинэ — умнэт
упкат, ады бичэтын, мулэ микчанэ, асал-да
туксара, упкачин илэлдук конгновгочон, упка-

чин мулэ нгэнэдечэн. Дёлолво, ингалвэ, тука-
лава нодудячатын, му дёлол сигдылэлдулитын
кулиннгачин кикэтчэчэн, мунду ичэвунгкин эр
долбони мудана ачин бинэн, бу этэрэв тэрэрэ.
Стенавэ умунди-умунди касидячан, умунди-
умунди, бу умунупчэчэвун, дялилвар сокоркоим,
муду, нэденэл, нгалэлдивар, халгардивар дёло-
лво сирунчэвкэндечэвун, плотинава он-мал
одянгадивар мангингдячавун. Упкат умукэн-
нгэчин гунчэтын: „Этэрэв бирава тынэ!“ Нгие-
дэ эчэн сурурэ, упкат эду силгиндечэтын,
кэсэдечэтын, упкаттыду умунупинду.

— Симон, — би гунчэв, — синэ пулкил эчэ-
тын варэ, бира-да этэн варэ. Одякал, Симон!
Цаголов синэ ичэтчэрэн, Ленин синэ ичэтчэ-
рэн упкачин пролетариат синэ ичэтчэрэн.

Би омнгочов энудеривэ мирэви, амиви, де-
рунэви, туги бу долбонива тыргадалан хавал-
дячавун.

Бу могочир муду логлолдыдячавун, могочир
улапчавун. Би дяля ачин очав, эчэв эва-да
денчара. Туги би эргэчин бинэ дёлолво алив-
дячав, делолво аливдячав. Умнэт Серго гунэн:
„Ичэткэл, аке Симон“. Би, ичэтчэнэ, эчэв
ичэрэ. Серго гунэн! „Ичэткэл“. Би ичэтчэм,
эчэв ичэрэ. Тэли нунган минэ нгалэдукив гакса,
нгалэлвэ миннги халгардулав ламбаранэн, би
мэннгитви нгалэтви му хэннгэндулэв, хэргит-
мэр бисивэн ичэм, эр давдын бичэн.

Би мурэли ичэчим — нгэри бичэн.

Упкат адечатын, сарэкис, чипичал нгэнуде —
ригэчинтын, дюр тысячал илэл адечатын, Кура
чулбама бичэн кэпэчэ, нгалэлду индеригэчин,
эя-да эчэн ора.

Тадук бу Загэства этэчэвун. Станциява
этэчэвун, мувэ унгукедечэвун, хэгдывэ Ленинмэ
дэрэдинурэлтыки иливдячавун, нгэри вэ Тифли-
стула будечэвун. Илэл Тифлисту тыргани-
гачинду долбо бидечэтын. Эр муннги хававун
бичэн.

Би дюлави дэрумкичэдэви нгэнэдечэв, ирэ-
мэдечэв, ичэм — хавамнил хавалдыра, эду
они. Би хангуктам: эва одярас? Илэл гун
дерэ:

— Шоссе (делолдук овча удякит) Цхинвалила
одянган, гирки.

Би дялдачэм: югтыл осетинил туги-дэ аят-
марит билденгэтын.

Эмугдэв миннги микчанэн, мурын есагачи-
нин умнэт тогово ичэми. Би лочокодуви мик-
часиктам, хангуктам:

— Туннелва (удякитва урэ хэргидэлин)
одянгасун?

— Си кэ идук санни? — гунэ.

— Сам, — гуним, — минду умукэн илэ гунчэн.

— Кэ, туги, — гунэ, — эр илэ хэгдымэмэвэ
бикитвэ дявучадяран.

Би гуним:

— Миннги мегандув хэгдымэмэвэ, ургэпчү-
мэмэ гунми, авадыва бикитвэ.

— Авады таргачин нунган?

Би гуним:

— Митнги акинты-большевик.

— Э-э, — гунэ, — тэли упкачин ая.

— Би-дэ туги дялдачэдем, — гуним, — упка-
чин ая.

СИМОН-БОЛЬШЕВИК

Слышал я от людей разные истории, большие дела, которые были. А какой-токой герой есть, я не знаю. Я сейчас тоже немного расскажу.

Я осетин. Такая страна наша Осетия: день идешь — стоит гора, и второй идешь, и неделю идешь — каменная гора кругом стоит. Когда лес из ней растет, когда лед лежит, когда снег лежит, вода льется, непрерывно льется, реки большие и маленькие, разные реки бурлят, бурлят, прямо как сумасшедшие, — голоса не слышать. В гости ходить — через гору надо, и в лавку итти — через гору надо, покойника тащить — через гору надо, плясать итти — через гору надо. Затруднительно жить в Осетии.

Земля очень большая у крестьянина была, — бурку бросил, поля не видно уже: бурка закрыла. А поле под самым небом лежит. Ну, конечно, и нищета кругом. Каменная сакля холодная, — костер посередине руки греть, обед варить, столик, трехногая скамеечка, — такая азиатская роскошь, деваться некуда, прямо хлев.

Ну, я горец, конечно. Был совсем молодой человек, необразованный. Очень много думал, как это жить надо. Революция наступила, гражданская война насту-

пила, — я брал винтовку, коня, пошел в партию записаться. Не было у нас тогда коммунистической партии, была партия, называлась „кермен“. За народ Осетии тоже стояла. Очень трудно было нам воевать. Соглашатели, шовинисты, белогвардейцы на каждой горе сидели, в степи сидели. Владикавказ генерал Шкуро взял. Назначил править Осетией Бету Хабаева. Негодной души человек был этот Бета Хабаев. Селения палил, соломой обкладывал, как свиней палил, доносы читал, радовался. А мы, керменисты, рзсыпались тогда, как волки ходим вокруг, белых в тревоге держим. Зима наступила, снег громадный насыпался, тропы закрыл, сакли закрыл, леса закрыл, — совсем плохо, общаться нельзя, ходить опасно. Скажешь слово — лавина идет, не пробраться сквозь снег, кони встают, а воевать надо. Бета Хабаев в ладоши хлопает, коньяк пьет, радуется: сдохнут большевики в горах, до весны никак не доживут.

Стою я на переправе с товарищем — вестей жду. А уже вечер, с гор пахнуло, вот-вот туман сойдет, снег закружит. Река же не замерзла никак, гремит под ухом, как в чайнике. Вода пузырями ходит через камни взад-вперед. Непонятно, чего хочет, точно на месте бунтует без толку.

Жду я с того берега человека, в воду гляжу за камнем. Удивляет меня, какая это сила в этой воде — ворочает большой камень, стучит о другой, бросает деревья с камнями, рвет им бока, ущелье стонет. Очень тоскливо стало у меня на душе. Такие мысли пошли, что не выдержу я до весны, Бету Хабаева обрадую — сдохну.

Вижу — плывет коряга и тонуть не хочет, и так правильно путь держит, на волну набежит как на крышу, оглядится и нырнет между камней и снова

плывет, а река ее за голову вниз тянет, за ноги тянет и утянуть не может. Жива коряга и путь дальше держит.

Подумал я: „Эй, Симон, — Симоном меня зовут, — ты, как коряга, умеешь плавать, имей большое сердце дышать глубоко, не выпускай винтовку из рук! Что ты пойдешь домой, как медведь лапу сосать, а тут надо борьбу выносить!“ И как подумал я, так сразу тепло мне стало. Думаю теперь только: что это товарищей с того берега нет? Вижу — темнеет уже в ущельи, и спускаются на другом берегу к воде шесть человек.

Спустились, глядят в воду. Понял я, что брод плохо знают или коням не доверяют. Кони устали, вода ледяная, боятся итти в воду кони. Присматриваюсь я: что за гости? Думаю: пусть, как знают, переправляются. Не буду им голоса подавать. Если враги — не жалко, пусть тонут, а если друзья — должны голос подать, знак подать.

Ступили кони в воду, и пошла играть ими вода. Правильно ступили в воду, да не все враз. Некоторые идут хорошо, двое поотстали, а одному плохо, относит его не туда, к камням несет, гибель коню будет, не справляется конь. Пар идет от коней, а всадники голоса не подают. Взял я винтовку, нацелился в первого, — показалось мне, что погоня у него на плечах, в какой-то он куртке теплой. А товарищ мой берет за винтовку, говорит:

— Симон, а это разве не Дебола, вон тот с краю, у него лошадь мучится!

Стал я глядеть, глядеть — узнал Деболу.

— Наши, значит, — говорю. — Кричи им, Уасил, что это мы, кричи!

— Дебола, это ты? — закричал он им.

И я закричал:

— Дебола, это ты?

А он лошадь не может направить, хоть и подобрался к берегу, отбивает лошадь вода. Обернулся он на крик, кричит тоже:

— Это ты, Симон? Это ты, Уасил?

Мы вышли из-за камней, сели на лошадей, кричим:

— Это мы, Дебола, это я, Симон, это я, Уасил!

Всадники из реки выбрались по камням, а Дебола с конем вот сейчас опрокинется. Одну минуту осталось ему держаться. Прыгнули мы в реку с лошадьми. Я и еще молодой какой-то простой человек. Он только что из воды вышел и опять в реку. Река как грянет в уши — дышать нечем, схватили мы за повод коня с двух сторон, а он шатается, сейчас упадет. Зажали между двух коней своих и на берег тащим его изо всех сил, а Дебола побледнел, головой мотает, говорит только:

— Ма-хадзар, ма-хадзар, — что значит: боже мой, боже мой, — погибну сейчас.

Пошли мы греться в селенье на гору, сели у огня. Я гляжу, кто такой со мной в реку прыгал, не боялся, молодой такой человек, усов нет, бороды нет, бодрый такой, глаза горят, смеется, говорит:

— Не знаешь, Симон? Я Цаголов, зови меня Георгий.

— Хорошо, — говорю, — ешь-пей, Георгий, ты хорошо поступил, что в реку бросился, а скажи мне, кто ты есть такой?

— Я — керменист, — говорит, — и борюсь за свободу, революционер — говорит, — а родился я в селе Христианском.

Тут подходит Дебола и за спасение жизни много говорит слов, очень больших и приятных, и руку жмет. Георгию на меня показывает.

— Это Симон дигорец, наш человек.

— Ну что ж, — говорит Георгий, — братья большевики, отдохнем да за дело возьмемся.

Стал я присматриваться с того дня к Цаголову. Хочу знать, что такое: я молодой, он молодой, а мы с ним разные. Огонь в нем какой-то есть, нет у меня такого. Это правда, — ученый он, а я в грамоте очень плох тогда был. Глаза его шире смотрели, а я, как ястреб прищурясь, оглядывался. Но я думаю, что в реку ему трудней было прыгать, чем мне. Привычек у него горских не было. Городской он был человек. Для гор не свой. Рассуждал он зато как мудрец какой, а я тогда думать совсем не мог, просто коня хлестал и бежал, не оглядываясь. Раз строили мы засадку белым. Пришел к нам старик, поглядел и сразу идет к Цаголову, угадал, что начальник, говорит ему:

— Воевать будешь, с белыми воевать будешь?

— Буду, — говорит Цаголов, — а ты что?

А старик старый, мохнатый, сто лет на плечах трясется.

— И я буду воевать, дай мне ружье, стрелять буду.

— Иди спать, — говорит Цаголов. — Дед, послушай, спать иди. Куда тебе воевать.

А дед подошел и взял его за руку и дрожит сам, как огонь.

— Не хочу спать, не иду спать. Меня и Такоев спать посылал, а я и тогда воевал, и Такоев мне ружья не дал, а я тогда воевал.

— Как же ты воевал?

— Да я шел вверх и со скалы камни бросал им на голову. Вот как воевал.

Тогда Цаголов взял деда за руку:

— Дед, иди спать! Мы тебе отвоюем старость,

будешь помирать в тепле, да еще до смерти белую кашу есть будешь.

Замотал дед головой, говорит:

— Не дашь ружья? Не хочу каши, не хочу белой каши, буду камни бросать на них. Я — большевик, а ты меня гонишь. Не наш ты после этого, какой ты наш после этого!

Засмеялся Цаголов, обнял его, поцеловал. А рассказал я этот случай потому, что, знаешь, про большевиков тогда слухи нарочно пускали. Приходит ко мне другой старик, в чем душа, хватается за палку чтоб не падать, спрашивает:

— Где здесь Симон-большевик живет? Покажи мне Симона-большевика!

— Это я, — говорю, — дед. Не хочешь ли ты в нашу партию записаться? Помолодеешь сразу.

А он отшатнулся от меня, замахал руками и палкой, смотрит на меня, говорит:

— Сними шапку, сними шапку.

Снял я шапку, он голову мне погладил, полазил в волосах, рассердился.

— Зачем обманываешь ты меня? стыдно тебе, молодому, над стариком смеяться. Какой же ты большевик? — говорит.

— Настоящий, дед, большевик, — говорю, — весь с головы до ног большевик, и конь у меня и ружье у меня большевистские.

— А где же рога твои? — спрашивает он и все оглядывается, оглядывается.

— Какие рога, дед? Рога у коров, у быков бывают, а мы с тобой люди.

— Да мне говорили, что все большевики — рогатые и на людей непохожи, — говорит дед. — А ты как будто человек, и рог нет.

Вот какие старики были! Разные были у нас старики, и молодые разные. Но много удивлялся я Цаголову. Сидели мы у реки в сакле, и такая ярость была в реке — словами не рассказать. Не могли мы говорить и слушать друг друга. Перекричала река голоса. И говорю я Цаголову:

— Умен ты, Георгий, а скажи, зачем это такая сила реке дадена? Такая сила, Георгий! Смотри, мост рухнет, все в реку пойдет — арба пойдет, лошадь пойдет, бурка пойдет, кинжал пойдет, женщина пойдет. Зачем такое сделано, чтоб зря такую силу пустить, и день и ночь, и даже лед ее не схватит никак, и лед ломает она.

Он посмотрел на меня и говорит:

— Сила реки, Симон, служит людям.

— Какие слова ты сказал, Георгий? Дурным людям служит она. Какие разбойники или белые кого убьют — в реку бросают, и она, как русские товарищи говорят, — концы в воду. А как будет в ней сила большая от дождя или от снега, — выходит из камней, сакли зальет, скот душит, людей душит, — не такие слова сказал ты, Георгий.

Он посмотрел на меня еще и говорит:

— Если взять и поставить плотину и задержать эту воду и направить ее в особые машины, — всю Осетию можно электричеством осветить. Не доживу я до этого, Симон, не увижу, а ты пойми мои слова, и я тебя не обману. Увидишь ты, как укрощают эту реку, будто свирепую лошадь. И она, как лошадь, станет первой работницей.

Замолчали мы все, и я испугался. Какие же люди должны с такой водой бороться, если и лошади и буйволу не справиться с самым мелким местом, а где глубже — туда, как в могилу, и глядеть никому не хочется.

Еще раз улыбнулся Георгий.

— Ты сам, Симон, будешь с ней бороться. Не с этой именно, с другой, а поработать придется. И ты поработаешь, не жалея рук.

Я посмотрел в воду, и голова у меня закружилась.

— Воевать я буду, — сказал я от всего сердца, — с белыми до конца, а с водой остерегусь.

Засмеялись все надо мной, и первый Георгий.

— Не то будет, — сказал он, — обе Осетии вместе будут — и та, что за хребтом, и эта. Из Христианского в Цхинвали будешь по шоссе через тоннель зимой ездить, Симон, в гости.

— Не будем, Георгий, сказки рассказывать, не те времена сейчас, — сказал я. — Конечно, книги многое могут описать, но не все книги в один час перескажешь.

— погоди сердиться, — сказал Георгий — осетинам, тем, за горами, знаешь, хлеба хватает с трудом на пять месяцев, а потом они сидят и глядят в огонь, а печь им нечего. По тропинкам на себе, через снег, вокруг, в такую зиму носят хлеб, а что это стоит! Люди гибнут в дороге, лошади гибнут. И это не книги, Симон, это правда, и любой человек скажет, что это правда. И сказкой большевики не питаются. Мы хотим дать Осетии свободу и хлеб, а не одну бумагу, где написано о свободе и хлебе. И ты не за бумагу воюешь и себя тратишь, Симон, жизни своей не жалея. Правда, Симон?

Я замолчал и думаю: нет, не придет такой день, что я буду с такой сильной рекой бороться. Да как бороться, я не знаю, — я только стрелять и умею, а в воду стрелять — не к чему.

Уехал от нас Цаголов в другое место, а я все не переставал думать о нем. А я был очень маленький человек; прямо камешек, а кругом такие горы стояли —

солнца не видать, зима к тому же. Но я, знаешь, если сказать другими словами, не унывал. Радовался очень за Цаголова, что он такой молодой ум носит. А печалился я за него, что он так горько говорил мне: „Ты увидишь, ты доживешь, я не увижу, я не доживу“. Почему так он это говорил? Я спрашивал товарищей, и они удивлялись такому разговору и ничего сказать не могли. Так жили мы, воюя день и ночь, и как волки сторожили белых. Где у них слабое место, там сразу кусали, чтобы помнили, что мы к весне не подохнем, мы еще живы и зубы у нас на месте.

Поймали мы шпиона, кулака. Спрашиваю я:

— Ну, как Бета Хабаев, тепло ему, хорошо спит, не беспокоится ни о чем?

Шпион говорит:

— Спасибо, ничего, хорошо спит. Ты ему снишься на виселице, и тепло ему, конечно. Это ты дрожишь и сдохнешь от холода.

— Ты раньше сдохнешь, — говорю я ему, — а нам живется тоже тепло, даже жарко.

— Живется, да не совсем, — говорит шпион, — махадзар, — говорит, — многим очень плохо из ваших, хуже чем мне у тебя.

— Кому же, говорю, так живется? Скажи перед смертью и умри спокойно.

— Спокойно я умру, — он говорит, — потому что Цаголов ваш и другие со мной помрут.

От этих слов было со мной, знаешь, как на горе, когда обвал всю ее потрясет и такой пустит дым и огонь, — где деревья были, — пусто, и где камни были, — пусто.

И сказал шпион, что предали Цаголова осетины-контрреволюционеры и держат его в плену, в таком

далеком месте в горах, откуда к белым не добраться и к большевикам далеко.

Стал я болен такой мыслью, что сейчас говорю другу одному: „Едем: так или не так — узнаем“. И он сказал мне: „Едем“. И уехали мы в такую глушь, где я бывал, правда, но так редко, что меня там и не знали. Взяли мы все на дорогу и поехали. Знаешь, страна моя Осетия такая большая и гористая, что если бы эти скалы видел, плакал бы и говорил: зачем я сюда пришел? И слезы бы у тебя выступили на глазах и замерзли бы на ресницах, — потому что была зима. И мы были как охотники. И ехали веселясь, чтобы внимание отвлечь, а сами дрожали, как скрипки во время праздника, но только не весело, а как на могиле.

А скалы там — родных забудешь, дом забудешь, революцию забудешь, — как чугуны черные, как чугуны тяжелые, как кремь идут вверх и в сторону, иные как утюги гладкие, снег не лежит. И люди там не хорошие, больше чем в другом месте нехорошие.

Зачем, — спрашивают, — едем?

А мы отвечаем: на свадьбу едем.

— Почему не везете вина с собой?

— Кто ж на свадьбу вино возит?

— Смотрите, чтоб на ту свадьбу ружье звать не пришлось.

Мы молчим и едем. Спрашивают другие: не охотники ли мы?

— Охотники, — говорим.

— Так вам нужно помнить, не забывать пословицу: на медведя идешь — песни поешь, на кнура (кабана, значит) идешь — попа зовешь. Вам поп не понадобится ли?

Мы молчим и едем дальше.

Приехали мы в то место, какое указал шпион, и стали на отдых к одному знакомому человеку. И сказал он:

— Все так и есть. Видеть Цаголова и других можно, только обдумать надо.

И сели мы думать. И сказал знакомый так:

— Идем и будем пировать здесь со всеми и говорить об охоте и тяжелых временах и ругать большевиков, а там за саклей есть ход в гору и там пещера, и в этой пещере у башни держат их — и нельзя ли их выкупить.

Были с нами деньги, и мы пошли. И мы познакомились с людьми того места, — истинными злодеями, — и руки мои дрожали от бешенства к этим предателям. И я мигал товарищу, и мы купили им араку и сидели у огня и ели хабадежин, пирожки с сыром, и ели дзика — сыр, крошенный в масло, и ругали тяжелые времена, и говорили об охоте, и я мигал товарищу.

И вот затянули мы песни, и стал я говорить с ними вполголоса, и пьяные — они стали хвастаться, говорили: больших людей продавать будем и разбогатеем к весне.

Я сказал тоже, как пьяный, что я охотно куплю их, если меня пустят посмотреть. И мне сказали: пустят на другой день.

И другой день с утра пили они нашу араку, а я пошел, как пьяный, за сакли и товарища оставил с ними, чтобы они в мое отсутствие не подозревали. Взял я одного из них, шатался он, и я его держал и чуть не душил, и бросил его в сугроб и вошел в башню, где пещера.

И встал, смотрю: лежат они в лохмотьях на соломе, не шевелятся, хрипят все, кашляют, больные молчат. Думают, я из бандитов какой есть. Я подошел и не

мог смотреть, слезы пошли, понимаешь, от горла назад, не мог я плакать в таком месте. Я смотрел: Цаголов спит и болен, и я потолкал его в плечо, и он очнулся, и сел и шатался. Я вспомнил, что он говорил мне и какой он был бодрый и веселый, а теперь лицо его как стена, — не могу забыть его никак. Я стою, и язык мой как у пьяного ходит во рту. Я слова потерял. Он посмотрел на меня так, будто умирает, и сказал: „Вот опять бред, Симон говорит со мной, откуда притти Симону?“

Тут схватил я его за руку, держу руки, говорю: это не бред, это помощь. И что дальше говорить, — не знаю, что дальше говорить. И как помочь? И товарищи его — какие лежат как мертвые, какие храпят. Холод большой стоит в башне: овца — и та смерзнет, бык — и тот смерзнет. Не знаю я, что тут делать, но входит пьяный, тот, кого я в сугроб кинул, и говорит:

— Большая болезнь у них, и они сдохнут. Давай деньги, пока живы.

Лежала там чеури — доска с осколками камней для молотьбы, — хотел я разбить ему голову о ту доску, и я хотел дать ему денег, но он замахал рукой и ушел. И я ушел, и ушел сам как мертвый. И меня спросили, что со мной, там, куда я вернулся. Я сказал:

— Много пил, и мне нехорошо.

И отошел с товарищем и говорю:

— Что будем делать?

И он сказал, что вел разговор, и они пленных не продают, не соглашаются. И я хотел еще ночевать, но мой знакомый пришел, говорит:

— Уезжай, Симон, сейчас же, иначе будешь сам в той башне. И арака вся, и они уже трезвеют; и дурное может для твоей жизни выйти.

И уехали мы как с кладбища, — и ехать нельзя и не ехать нельзя. Я вспотел от злобы, и холод меня не берет. И думаю я, что такое делать, и смотрю: журчит ручеек, гляжу — снег тает понемножку, гляжу в небо, и небо улыбается, весна скоро. Вот вспомнил я Бету Хабаева: „сдохнут большевики к весне“ — и проклял его и погнал коня, и уже знал, куда еду я и что буду делать. Приехал я к другу моему Гастыеву, другу моего сердца. Увидал мое серьезное лицо Гастыев, велел женщинам выйти, и женщины вышли. У нас тогда с женщинами не советовались, это теперь они место получили, а тогда они стояли в тени и доверия им не было, хотя были и среди них замечательные.

Гастыев говорит:

— Что с тобой? Вижу, — далеко ездил, что привез?

Я сел и молчал и смотрел на него. Я так долго смотрел, что он спросил:

— Что смотришь?

Я сказал:

— Люди, Гастыев, погибают, большие люди погибают, надо им помощь дать. Или пусть погибают?

Он оглянулся, как бы не доверяя ушам и словам, и сказал:

— Надо давать помощь.

— Тогда скажи мне, кто такой Цаголов?

Гастыев посмотрел мне в глаза и нашел, что глаза мои тверды.

— Ты есть керменист-большевик?

— Да, я есть керменист-большевик.

— Ну, так и Цаголов большевик-керменист.

— Что делал он, я хочу знать. Я вижу, что он большой человек.

— Он родился у попа, но поп сбросил бога и рясу и стал керменист, а сын обошел всю Осетию, голову за список большевиков, и он собрал много голосов.

— А что он делал потом? — спросил я, как бы пропуская слышанное мимо. На самом деле я хотел все знать с начала и говорил, как говорят о подарках невесте, таким голосом.

— Потом он ехал в Тифлис, и товарищ Шаумян, чрезвычайный комиссар, — ты знаешь, что значит комиссар? — (я кивнул головой) — делал его председателем Реввоенсовета, — ты знаешь, что значит председатель Реввоенсовета? — (я кивнул головой) — чтобы закончить турецкий фронт и пустить домой трудящихся.

— И он всех отпустил и все исполнил? — спросил я. Гастыев кивнул головой.

— Потом Шаумян взял его в Баку, — и они работали вместе. И ты знаешь, что когда погибли Дебола Кесаев, Андрей Гостиев и Коля Кесаев, — Цаголов стал председателем Реввоенсовета Осетии. Это большая голова и светлая, как снег на заре.

Тут я встал и сел, это выдало мое волнение. Гастыев сказал:

— Ты думаешь, мы не знаем всего? Ты думаешь, мы забыли товарища, который так боролся и так отдавал все на борьбу? А ты — плохой большевик, если так думаешь. Скажи мне, ты ехал сказать, что осетины, самые черные из осетин, предали его и взяли его в плен и держали его в башне, в пещере и на морозе?..

Тут я не мог больше терпеть.

— Он болен, — закричал я, — и он говорит как с того света!

— Ты устал, Симон, — сказал мне Гастыев. — Возьми бурку и ляг в теплое место. У Георгия тиф, и он бредит, он не узнал тебя?

— Дело разве такое? — закричал я опять. — Дело не такое! Что узнал, что не узнал? Его надо оттуда. Я ехал к тебе, чтобы говорить о таком деле, где кровь кипит в моих жилах. Зачем я спрашивал? Папа-мама мне его интересны? Да, очень мне интересны его папа-мама! Зачем ты меня мучаешь? Говори до конца.

Гастыев сказал:

— Ты не знал до конца, кто такой Цаголов, и я тебе сказал, — теперь ты знаешь.

— Ты понимаешь, — кричал я (я как сам заболел и говорил в бреду), — он хотел не дожить, не увидеть, как река будет работать на людей, и мы должны сделать так, чтоб он дожил, чтобы он увидел, — вот о чем я говорю.

— погоди, Симон, — сказал мне Гастыев, — осетины просят за него десять тысяч рублей. И мы дадим их, и они привезут его. И товарищ Хусина и товарищ Уртаев и Миша Келагов поедут за ним и за товарищами — вот какова истина дела, и ты теперь знаешь все.

— Гастыев, — сказал я, — большие деньги просят за него, и он стоит — ма-хадзар! — таких толстых денег. Но нам, большевикам, нужны такие деньги. Я беру людей и, когда они поедут обратно с деньгами, я буду пить их кровь, я отниму у них все до гроша и все верну тебе.

И, несмотря на крики Гастыева, я бежал из сакли, и за мной гнался народ, и я забыл дисциплину партии и пошел один, потому что любил этого человека. И я поехал собирать людей, делать отряд, напасть

и отбить деньги. Ехал, и люди шли на мой зов, и я ездил один с ружьем и никого не боялся. Ехал я вечером, и уже был март. И я ехал вечером, и горы шли по сторонам, как лиловые облака, и я любовался и не увидел, как надо мной поднимаются по узкой тропе. Конь стал вдруг, и сверху закричали мне. Я взглянул и узнал, что кричит мне Цыца, а Цыца был мой родовой враг, но я забыл про него и никогда бы не трогал, как стал большевиком. Но он сам кричал сверху:

— Готов ли ты к смерти, Симон?

Тут я стал стыдить его и ругать всеми словами и не отстегивал винтовки, а он кричал:

— Вы перебрали три года назад, на двоих перебрали убитых в моем роду, и я тебя сочту за двоих. Готов ли ты к смерти, Симон?

— Цыца, — кричал я, — когда Осетии нужен каждый человек, ты дурак, если убьешь меня! Вспомни, как забыли сейчас кровничество! Как сражались с белыми Такоев и Уруймагов и убиты вместе, а они были кровники, как сражались вместе Галиев и Дзарогов, а они были кровники.

Но он ругался и кричал только свое:

— Вы перебрали двух убитых, вы перебрали двух убитых!

Тогда я покраснел до корня волос и закричал ему

— Убивай скорей, дурак!

Он выстрелил и попал мне в плечо, я упал с лошади, и разбил лицо и зубы. Я встал, залепил снегом плечо и освежил лицо. Влез на лошадь и с трудом доехал: проклиная Бету Хабаева и всех его слуг. И по причине этой моей горести я не мог украсть десять тысяч, и осетины привезли Цаголова и других на берег Фиагдона и уехали, забрав грязными руками эти деньги. А сам я валялся и кричал, потому что на ране стала

гнилая боль, и я спрашивал: как, будет рука у меня или не будет рука? И мне говорили: „будет“. И я спал, а когда просыпался, очень досадовал, что не убил Цыцу и не перебрал третьего в его роде.

Вылечился я, когда уже солнце горело, как печка, и я ходил и шевелил рукой, я радовался, что могу шевелить. Тут я узнал, что Бета Хабаев вызвал белых и они идут на Христианское, и что надо идти в горы и скрываться. Я взял лошадь и одной рукой владел хорошо, а другой плохо. Сел и поехал в Христианское, а не в горы, потому что там лежал Цаголов и я хотел увезти его — и не успел в том.

Меня догнал один человек, молодой, чужой мне человек, и сказал:

— Пойдем пешком в Христианское. Идут казаки и, если мы будем верхом, — лошадь отнимут, а нас убьют.

Я сказал, что знаю, где можно прятать лошадей, и мы спрятали их рядом и хотели пойти, но уже все было окружено, и генерал Вадбольский ездил по полю, и восемь тысяч казаков ездили и ставили сто пушек, а генерал усмехался, и к нему звали делегацию, а он ругал делегацию и велел все население выгнать из домов и усмехался. Тогда я сказал студенту (он мне сказал, что он студент), чтобы он стерег лошадей и что я пойду в селение за Цаголовым. Студент признался, что ему велено вывести Цаголова из селения и он попробует это сделать, а я пусть караулю. И я караулил, и сердце мое было, как будто я переезжал реку и лошадь падала в воду и тонула, и я тонул вместе с ней. Я слышал выстрелы, и заболело мое раненое плечо, и несчастная рука заныла так, что я не знал, что делать. Не дождавшись студента, я пошел сам, оставив лошадей, и никого не нашел. И едва

ушел от казаков и вернулся к лошадям, у лошадей лежал студент и плакал в траву. И я поднял его, и он плохо стоял на ногах и от страха ничего не мог говорить. Тогда я поставил его на ноги. Боль у меня сразу прошла. Я приступил к нему, и он сквозь слезы рассказал:

— Цаголов скрылся в сарай, и сарай указали казакам предатели, и казаки стреляли по сараю и прсбили его пулями, а Цаголов был невредим, потому что он лежал на полу. И когда пули проббили сарай, он встал и поднялся на крышу и увидел казаков. И они перестали стрелять, и он соскочил с крыши и стал перед ними. Ему было двадцать один год и девять месяцев, а казаки верили, что большевики — чудовища с рогами, и не хотели его слушать, но он им сказал:

— Да, я большевик, я Георгий Цаголов, да, я — свободный осетин. Что вы идете с оружием против трудящихся? Я сам жил как барин, я сам рос на жирных цыплятах, я рос на сливках, а теперь погибаю за равенство народов и за вас в том числе, трудовые казаки. Зачем же вы боретесь, слепые люди? Вы ослеплены мироедами, капиталистами и вашими офицерами-белопогонниками, и они хотят поработить вас, быков сделать из вас, лошадей сделать из вас, рабов сделать!

Тогда казаки стреляли в него, но он не упал и сказал:

— На моей крови, на крови других борцов будет, как вы хотите — не хотите, создан коммунизм! — И спокойно умер.

И студент все больше плакал, а я сказал:

— Ударим на них вдвоем и убьем столько, сколько сможем.

Он стал белый, как зима, и затрясся. Я вынул винтовку из чехла, несчастная моя рука упала как плеть, и боль была такая, что я кусал язык, и я ехал прочь, проклиная Бету Хабаева и всю контрреволюцию. Всю ночь была боль и еще другую и третью.

Потом мы хоронили Цаголова в селе Христианском и ставили памятник. Я помнил только, как говорил он. А что он сказал мне о реке — я больше всего запомнил. Ни один человек не говорил мне, дикому горцу, что такое может быть, чтоб от реки был свет. И я уже совсем потерял сон от безумной мысли, и мне казалось, что я стану как сумасшедший, что я брошусь в реку.

И тут пришел конец белым, и рука моя стала как здоровая, и плечо мое вернулось ко мне тоже. И вот был праздник, и люди скакали на красивых лошадях, и много ели и много говорили речей, и пели песни и танцевали в хороводе, танцевали чепен, танцевали симга и танцевали касгонкавд, потому что война давно кончилась и было начало строительства.

Дебола мне говорит:

— Слышал ты, Симон, что строят станцию на Куре у Зем-Авчал? И от этих работ на пол-Кавказа светло будет. Будет свет гореть до самого Коби и до самого Тифлиса.

И рассказал он, как на Куре давно уже работают и воюют с рекой, и так хорошо изобразил он, как покойный Цаголов, но словами такими, что вся душа моя пошла хороводом, и я плясал, как помешанный, чепен, и симгу, и касгонкавд, и все приговаривал:

— Белых воевали, пойдем воевать реку, белых воевали, пойдем воевать реку.

И я собрал какие свои вещи и пошел на Загэс. И стал там работать чернорабочим сначала, потому

что ничего в жизни кроме горя не знал и ничего не умел. И такое я увидел там на Куре, что никакой университет не покажет, ни в какой книге так не описано. И потому я немного скажу вам об этом, что я такое увидел.

Две реки там сливаются вместе, и в одной вода — голубая, голубая, как бирюза, и зовут реку Арагва и в другой вода — желтая, как будто чистят песком большой котел. И строят на второй реке — Куре — большую плотину, одну плотину, другую плотину, и день и ночь роют, и такое множество народу, что можно заблудиться, как в лесу, между людей. И все кричат: „хабарда, хабарда!“, это значит — берегись, и кладут динамит и рвут скалы так, что грохот больше, чем в реке. И смотрю — река присмирела и как будто ей все равно, что с ней делают, но это не так.

Я работал внизу плотины, где убирал камни, и там стучали пневматические молотки. Я теперь техник на Гизельдонстрое и знаю все такие вещи, а тогда ходил, нюхал и лизал, как коза соль, и все казалось вкусно и все непонятно, как во сне. И там мы работали, как быки и как буйволы, потому что не жалели сил на такое строительство. Одни раскалывали большие камни на куски, другие увозили их, третьи сверлили сверлами гору, и сверла дрожали, и люди дрожали, как зимой на ветру, а между прочим была такая жара, и маленькие паровозики пыхтели, и маленькие вагончики бежали вверх и вниз, и камни падали, и река ревела вдруг, что ее обижают, и блоки скрипели.

Мы все работали в лохмотьях, от камней и от осколков одежда вся горела, как на пожаре, и никто не жалел одежду, и все стирали пот другой стороной руки, и было так шумно и так весело, как ни на одном празднике. Тогда еще не знали ударных бригад, това-

рищи но все мы были как ударная бригада, и бараки себе, чтобы жить, мы ставили в четыре дня, и здесь я научился работать плотником.

И когда я стал смотреть, какое такое множество народа вокруг, то увидел, что все разный народ, и дивился, что вот как мы живем хорошо, а раньше все, как собаки над костью, грызлись. Работали здесь осетины, грузины, абхазы, русские, шведы, армяне и татары и много других. Я понял так, что это и есть интернационал, потому что за эту мысль давно бились в гражданскую войну. Мы сражались за кабардинцев под Пятигорском, за ингушей у Владикавказа, за грузин трудящихся — в Раче, и теперь все строили мирную жизнь.

Так много языков было вокруг, что я стал со всеми иметь большое желание говорить и понимать каждого. И по-русски я говорил хорошо, потому что много слов у нас было общих. Я говорил „мад“, а по-русски это значит — мать, и я говорил „мит“ и „мазг“ а по-русски это были — мед и мозг, и по-нашему „сердце“ — по-русски значило — сердце, и зима по-русски — по-осетински будет „зимег“. Так что объясняться я стал очень скоро и удивился, что у грузин „мать“ говорится — „деда“, а „отец“ — „мама“, и по-грузински я уже говорил утром на работе: „комарджоба, амханнаго“ или „хогасахард кацо“, что значило „здравствуйте, товарищи“, или „как здоровье, человеки“. И, уходя, говорил „до свиданья“ по-грузински — „мшвидоб“. И так нравилось мне, что я понимаю многих трудящихся. С каждым хотелось мне говорить о наших делах и о нашей работе.

Если ж я не понимал товарища, который пришел только что, или был тюрк или абхаз, то я говорил одно слово: „Ленин“, и он говорил: „Ленин“, и мы

объяснялись знаками или находили переводчика, но я уже знал, что это — наш человек.

И раз говорил я с человеком, и он был мрачный и голый, потому что камень повредил ему руку. Я показал ему, где фельдшер и как идти. И он не отвечал мне, а кивал головой, и когда я сказал ему: „Ленин, товарищ“, он поднял глаза, большие как у кошки, и сказал: „Магомет“. Он не сказал „Ленин“. Я думал, что это есть закоренелый мусульманин, и сказал:

— Нет Магомета, но ничего, ты проживаешь без него.

Но он заговорил по-грузински — он был аджарец — и все повторял: „Магомет, Магомет“. Тогда я сказал:

— Зачем ты не отвечаешь мне, раз ты понимаешь язык? А если ты долбишь все: „Магомет, Магомет“, то, значит, ты дурной человек, и тебя обвели муллы и попы, и ты должен быть с нами, а не с ними, раз мы вместе боремся с рекой за строительство.

И он погрозил мне кулаком, а я ему ничего худого не сделал. Но я запомнил этого человека, и он был до конца плохой человек, и как стали у нас болеть рабочие, — пили они нездоровую воду по своей неосторожности и получили разные болезни живота, — то он ходил в бараки, говорил тайком, что все от болезни умрут, так как против бога и Магомета дело делают. И я поймал его за углом, когда он говорил отсталым элементам, что тиф нарочно разводят, — народ извести, и столько согнали в одно место.

Он говорил, как делают тиф: берут гнилое мясо от шеи, мочат его три дня и три ночи, выжимают, варят, потом три столовые ложки дают мышам, и мыши едят и разносят тиф.

— Какой ты большой дурак, и дураки, кто тебя слушает! Мы, большевики, плевали на мышей и на таких, как ты, — сказал я.

И он испугался моих слов и больше не работал и ушел — откуда пришел.

А рассказал я это потому, что стал думать опять над собой и учиться и все смотреть — и труд какой, и машины какие, и умение какое нужно пролетариату. И вспомнил дорогого товарища Георгия, как это он верно говорил, а я ему не верил, что вот я действительно буду с рекой бороться, такой, как наша, и будем строить, чтобы был свет от Коби до Тифлиса. И такое большое хозяйство развелось у нас в этом месте. Тут и овраг Папиа-хеви надо было взять в трубу, и канал строить тридцать метров ширины, восемь глубины, и плотины класть, и мосты ставить, и дно бурить, и камни убирать, и шла работа в три смены — днем и ночью. Я работал и смотрел, какие разные случаи мешают нам еще, и какая еще контрреволюция где притаилась. И первая контрреволюция была, скажу тебе, река. Она то так тихо шипела, как будто ее нет, вся вышла, то вдруг бросалась хватать, как кошка мясо, все, что попадет. И вторая контрреволюция была дикость нас самих, жителей, что не все ходили с разумением, а носили арбузы на плечах, а не головы. Гулял я в соседний городок Мцхет — такой паршивый городок, старый, ничего себе городок. Там сидели иногда с приятелями в духане, вспоминали разные времена и очень хорошо говорили. Я люблю танцевать и человек был совсем молодой, но я тебе скажу, когда это красиво выходит, я стою за такой танец.

Прихожу в Мцхет, у духана остановились два воза с хворостом. Буйволы поворачивают головы, нюхают и хлюпают ноздрями. Грузины соскочили с возов

и пошли в духан. Они выпили по кварта вина и больше ничего. И один стал сразу вытанцовывать, и совсем не оттого, что пил, а так, от души: просто живости в нем много, и уходит она в ноги. Очень хорошо! Сначала танцевала одна нога, потом другая пошла рядом, потом танцевали обе ноги уже вместе. Потом так ловко стал он вертеть поясом, что приятно смотреть. И вижу — плечи не выдержали, пляшут, и только голова смеется, не пляшет, ну, потом сейчас и голова особенным образом качнулась и поплыла.

Второй грузин, маленький, смотрел-смотрел. Хозяин вышел из-за прилавка и стал подталкивать его слегка к старшему товарищу, а тот летал в воздухе, уже уставать стал.

Вдруг маленький подбоченился, согнулся, как ящерица, ударил в ладоши, подмигнул мне и пошел тоже. И летали они, как змеи, не касаясь пола, так что было весело смотреть на них, потом разом крикнули и вскочили на возы и стегнули буйволов, и буйволы хлюпнули ноздрями и скрылись, как появились. Вот так это даже очень занимательно веселились, трудовой процесс не нарушая при этом. А то прихожу я в духан другой раз, сидят сплавщики и хотят плясать с самоваром, чтобы на голове. Хозяин самовара им не дает и правильно рассуждает: зачем пьяный будет горячую воду на себя лить, жизни лишаться. Они пьют, как лошади, ржут и копытами бьют — нехорошо очень.

Вдруг один говорит:

— Кацо, кацо, хорошо ли ты плоты увязал?

— Кому твои бревна надобны, — говорит другой, — пей на здоровье и сиди!

— Плохо привяжешь — река унесет, — говорит первый. — Кура подымается, ночью что будет, в горах дождь шел.

Я думал: „вот дурные головы, лишаются заработка такого утомительного, и все нипочем“. А они сидят, пьют, один ушел — пришел, едва идет, говорит — едва говорит:

— Кацо! Нехорошо выходит, бревна вниз идут сами.

Тут стали люди смеяться, думали — шутка. И я смеялся и пошел со всеми посмотреть. И вдруг мне так холодно стало, как бревну в воде.

Оторвала река плоты, била об камни и разорвала веревки, все бревна пошли вниз и гремели, как пушки. И бежал я из Мцхета как есть, шапка в руках, и другой рабочий народ бежал, потому что у нас переходный легкий мостик был у городка, и вот видим: мчатся бревна и ударяют в мост, и мост наш кое-где обвалился и утонул, доски упали и поскакали за бревнами вниз.

А мы бежали вдоль берега и кричали, потому что там дальше, на реке, стояла на плоту забойная машина для свай, и бревна несло прямо на нее, и если бы они ударили прямо в нее — хоронили б мы забойную машину и не видели б ее никогда больше, но, к счастью, обнесло ее бревнами, и они шли все вперед, и мы опять кричали, потому что впереди стояли на мелкой воде буравные плоты и бурава были загнаны в дно и конец им грозил от бревен.

И я хотел уже достать свое оружие и стрелять этих дураков, так я рассердился. Но бревна были умней этих людей, и они нырнули под плоты и крятели, крятели, вытащили на своей спине бурава, загнанные в дно, и не повредили их, а ушли себе вперед. И плоты только качались, ничего им больше не сделалось.

Вот люди какие разные бывают!..

Мы бежали и кричали и боялись за машины, за наши работы; а сплавщики посмотрели — бревен нет, пошли себе в духан и плясали с самоваром на голове и облили горячей водой головы и пошли спать тут же на полу, и это были очень безобразные люди, смотреть на них не хотелось.

И тут стал я понимать, какое есть новое обстоятельство и какое старое. Новое было — наша работа с утра до утра, а старое — стояло, смотрело и сложило руки, и это был наш враг. Вот почему надо было бороться и жить по-новому, а не как сплавщики или как человек, что говорил: „Магомет, Магомет“. А что такое Магомет, когда есть много выдающихся товарищей, партийных? Что сделал трудовому народу Магомет?

Вот еще один раз говорят мне:

— Товарищ Симон! Почему это товарищ Серго ходит в монастырь почти каждый вечер, и как это так выглядит?

Я сказал: „Нехорошо это выглядит, и я сам пойду смотреть, что нравится ему в монастыре, товарищу Серго, который так хорошо работает на социализм“.

Монастырь один был там у нас наверху горы, туда в старое время лазили богу молиться, а другой — пониже, там и сейчас еще живут разные несознательные элементы. Я пошел, конечно, вечером, как услышал колокол, в этот монастырь. Я пришел и начал всматриваться, что там за люди, и увидел такое очень любопытное.

Вот, понимаешь, зазвонил колокол, и по лестницам пошли монахини. Старушки, старушки такие сморщенные, как лимон, и хохолки как у куриц, и молодые — без кровинки восковые, — тащат аналой такой и ставят, и выходит баба главная монахиня, и читает, читает,

точно спешит на тот свет, жует старыми зубами и глядит на всех. Как взглянет недовольно, так все пять начинают.

Ну, я тебе скажу, что мы, осетины, так себе считались верующими. Никто не шел креститься к попу. В старое время два рубля платили и платье давали, как придешь креститься. Мой дед четыре раза ходил, лез в воду, и пятый пошел, но его поп стыдить начал.

Прежде мы к поповскому богу очень плохо относились, и сейчас я не могу смотреть больше, как они поют.

У нас в кооперативе продают спички, папиросы, булавки, и там лежала утром большая рыба, „чинари“ называется, усач — по-русски. И она лежала на прилавке, трепыхала жабрами, мухи по глазам бегали, и она открывала рот быстро-быстро, черная такая чинари, усач из Куры.

И вот смотрю — монахиня совсем как рыба — черная и раскрывает рот и дышать не может. Я стал смеяться про себя, искать, что делает Серго тут. И вижу: он стоит у колонны и усмежается скрыто. Я делал ему знак, чтобы он вышел, и он вышел, и мы сели на кладбище, и я говорю ему:

— Товарищ Серго! Кинематограф бывает у нас свой на Загэсе. Зачем ходить такие картины смотреть? Вредно такие картины долго смотреть, дураком станешь. У нас чистая работа руками, а здесь, как говорят русские товарищи, вола вертят.

Серго усмехнулся и тронул меня, говорит:

— Я смотрю не на них, я смотрю на одну девицу.

— Какую девицу?

— Я хочу урон им причинить.

— Какой такой урон?

— Хочу одну монашенку в комсомол переманить. Вот я стал смеяться, чуть с могилы не упал, вот я придумать бы — не придумал. Удалось ему вытащить ее оттуда, она на Загэсе у нас работала, белье стирала, и очень неплохо стирала.

Смеялись мы с Серго потом, как я его за монашескую жизнь укорять хотел, как думал, что он хочет в святые пролезть на народные деньги.

Такие разные случаи бывают в жизни, а теперь особенно, потому что собирается большой народ для большой работы, и тут происходят геройские дела и обратные случаи.

Не спится мне вдруг почему-то, и удивительно тревожное смущение у меня, и плечо начинает ныть. Сажу я на берегу, передо мной Кура ходит серыми гребешками, и вспомнил я наши реки, как похлебки с камнями, и не верю Куре, никак не верю.

Сажу и смотрю на эту воду, и как будто в ней голоса ходят и хотят меня поддразнить и проговориться бояться. А я сажу уже совсем другой человек, чем сидел тогда у переправы, когда Дебола тонул. Я уж и политграмоту знаю, и рабочие навыки показал, и уже думаю — иду на курсы, как работа кончится, и уже сознательно дальше двигаюсь по дороге. Но почему у меня настроение — как будто бревно поперек дороги лежит? Что такое?

А ночь была теплая, и я стал вспоминать работы, что сделали. Выдолбили мы двадцать метров в скале, уже дно реки проступило, и надо заливать его бетоном. Очень хорошо.

Думы эти хорошие взяли вверх, и я иду спать, оглядываясь на реку. Иду в барак, и спать не хочется. Однако встретил Серго, и стали мы курить папиросы и говорить и дремать стали, и так дремали,

что сон прямо сразу одолел, и все стали спать, только ночная смена пошла работать.

Вот тут, понимаешь, рассказ наступает самый страшный. Сначала идет сон. Нехороший сон. Еду я по тропинке — и навстречу Цыца. И Цыца говорит: „Я стрелял в тебя, стреляй теперь ты в меня.“ „Не хочу стрелять“, говорю я. „Стреляй, — говорит, — или я тебя утоплю“. Смотрю — на тропинке вода, по колено вода. Цыца меня толкает в воду, и я стою уже по колено в воде. Открываю глаза, — меня Серго толкает, кричит:

— По колено в воде!

— Что, Серго, кто по колено в воде?

Серго трясется.

— Все по колено в воде!

— Что такое, что такое?

— Кура пришла, Симон, все бегут туда. Кура пришла!

Шум стоял, как будто паровоз шумел. Сколько людей жили в бараках и сколько работали, все бежали и говорили разными голосами. И все бежали к одному дому, где жил строитель наш главный, Баграт Михалыч. Все кричали на ста языках: „Выручай, Баграт Михалыч! Вставай, Баграт Михалыч, выручай!“ И я так ясно представлял Цаголова, как он говорит: „Повоюешь с рекой, товарищ Симон“, и я кричу: „Выручай, Цаголов!“ И вот Баграт Михалыч вышел в одной рубашке, в одних штанах и побежал с нами вниз.

И тут я увидел Куру и понял, что такое предательство. Никаких тебе серых гребешков, никаких тебе таких голосков, — вся светится прямо от злобы и зубы скалит, и шумит, и шумит, и товарищи уже все в воде, и машины все в воде, и реке конца не видать в темноте, и только гул идет, как ветер из пещеры.

— Вот, — говорю, — пришла контрреволюция!

Я хватаю лопату и прыгаю вниз и прямо в воду по пояс. Вода хватает людей, инструмент, машины, и надо класть плотину тут же в воде.

Баграт Михалыч командовал, голос потерял. Весь народ как будто купаться пошел, — сразу все, сколько было, бросились в воду, и женщины прибежали, и все чернело от народа и все шло в воду. Стали кидать камни и песок, и землю, и фашины, и вода свистела между камней, как змей, и казалось — этой ночи не будет конца и не выдержим мы. И стену разрывало раз за разом, раз за разом, и мы толпились, безумные, в поту и в воде, и руками и ногами катали камни, и крепили плотину как могли. Все сказали, как один: „Не пустим реку!“ И никто не ушел, все дрожали и страдали тут, в общей толпе.

— Симон, — сказал я, — тебя не убили пули, не убьет и река. Делай, Симон! Цагалов на тебя смотрит, Ленин на тебя смотрит, весь пролетариат на тебя смотрит.

И я уже забыл, где плечо больное, где сон, где усталость, так мы работали всю ночь напролет, до рассвета.

Мы торчали, как палки в воде, и намокли как палки. Я вошел в ужасное безумие и не помнил ничего. И так в забвении таком диком все передавал камни, передавал камни. И вдруг Серго говорит: „Смотри, брат Симон“. А я смотрю и не вижу. И тогда он взял меня за руку и приложил ее к моим ногам, и своей рукой я увидел, что вода только до колен и еще ниже, и это была победа.

Я посмотрел вокруг — светло уже было.

Все спали, знаешь, как птицы на перелете, две

тысячи людей спали, и Кура была синяя и вздулась, как жила на руке, ничего не сделала.

Потом мы кончали Загэс. Кончали станцию, пускали воду, ставили большого Ленина лицом к горам, давали свет в Тифлис. И люди в Тифлисе всю ночь, как днем. Это была наша работа.

Ехал я в отпуск домой и в гости, вижу — рабочие работают, значит и тут строительство. И я спрашиваю: что такое делаете? И люди говорят:

— Шоссе будет в Цхинвали, товарищ.

Подумал я: будут юго-осетины тоже лучше жить.

Душа у меня прыгнула, как у лошади глаз, когда она видит вдруг огонь. Подскочил я на седле и спрашиваю:

— Тоннель будете делать?

— А ты откуда знаешь? — говорят.

— А вот знаю, — говорю, — мне один человек сказал.

— Ну так, — говорят, — этот человек большое место занимает.

Я говорю:

— Очень большое в моем сердце, прямо трудно сказать, какое место.

— А кто же он такой?

Я говорю:

— Наш брат-большевик.

— А, — говорят, — тогда все в порядке.

— И я так думаю, — говорю, — что все в порядке.